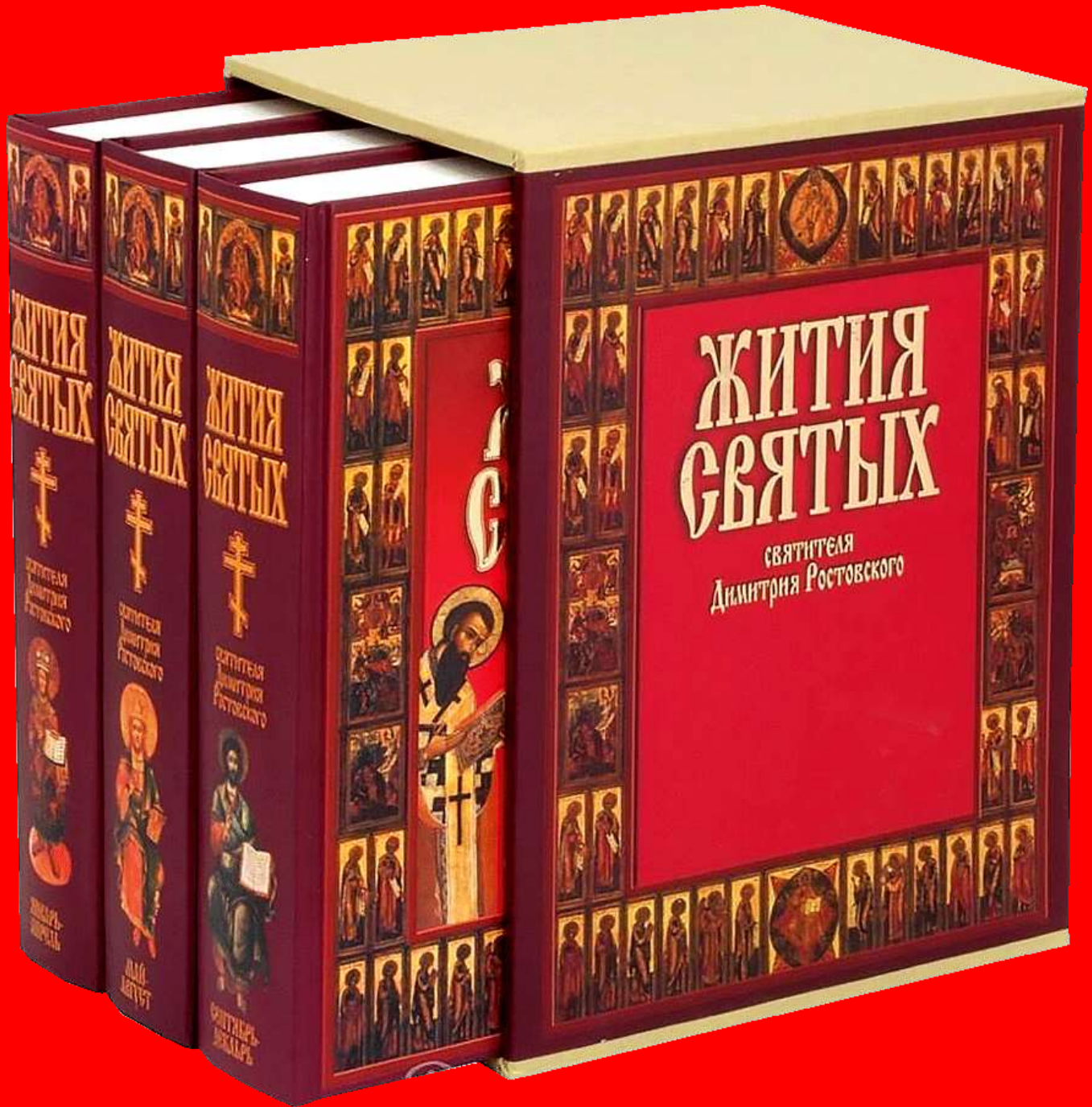

TEZĂUR LITURGIC
2 IANUARIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIATA
SF.CUVIOS
SERAFIM
DE LA SAROV

MOSCOVA, 2016

Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского

Преподобный Серафим старец Саровский, родом был из Курска и происходил от благочестивых и состоятельных родителей, по фамилий Мошниных принадлежавших к именитому купеческому сословий города; он родился 19-го июля 1759 года и в святом крещений наречен был Прохором. Отец его, Исидор имел великое усердие к храмам Божьим, а мать его, Агафья, еще более мужа своего, почитаема была за свое благочестие и благотворительность. На третьем году от рождения, Прохор лишился своего отца, и единственною воспитательницею его осталась благочестивая мать его Агафья, под руководством которой он возрос в благочестии христианском и в любви к молитве и храму Божью. С раннего детства над блаженным проявлялся дивный покров Божий, явно предсказывая в нем благодатного избранника Божьего. Однажды мать его, осматривая постройку церкви, начатую еще её мужем взяла семилетнего Прохора вместе с собою на самый верх строившейся колокольни. По неосторожности отрок упал с колокольни на

землю. Агафья в ужасе сбежала с колокольни, думая, что сын её разбился до смерти, но с удивлением и радостью увидела его стоящим на ногах целым и невредимым. Так над благодатным отроком исполнились слова Писания: **"не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе - охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею"** (Пс. 90:10 - 12).

На десятом году Прохора начали обучать грамоте, и отрок быстро стал постигать церковную грамоту, обнаруживая светлый ум и память и в то же время украшая себя кротостью и смирением. Но вдруг он впал в тяжкий недуг, так что домашние не надеялись на его выздоровление. В это тяжелое для него время Прохор видит в сонном видении Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. В скором же времени слова Богоматери сбылись. В это время случился в Курске крестный ход во главе с чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы¹. По причине дождя и грязи, крестный ход для сокращения пути, направился через двор Мошниной. Благодетельная Агафья поспешила вынести больного сына, приложила его к

чудотворной иконе Богоматери, после чего отрок совершенно выздоровел.

С любовью прилежал благочестивый отрок к книжному учению, изучая Священное Писание и другие божественные и душеполезные книги, весь ум свой вперив к Богу, любовью к Которому пламенела его чистая душа. Между тем старший его брат занимавшийся торговлей, понемногу стал приучать к ней Прохора, но сердце отрока не лежало к этому делу: душа его стремилась стяжать себе духовное сокровище, нетленное и неоскудываемое. Не имея возможности посещать в будничные дни божественную литургий, Прохор, несмотря на то, не пропускал почти ни одного дня без посещения храма Божьего и с рассвета поднимался, чтобы прослушать утреню; в воскресные же и праздничные дни он особенно любил заниматься на свободе чтением духовно-назидательных книг причем иногда читал вслух и своим сверстникам, но более предпочитал уединение и безмолвие. От матери Прохора не утаилось направление её сына, но она не противоречила его желанию. И вот когда благочестивому юноше исполнилось семнадцать лет, он твердо решил оставить мир и, с благословения матери, напутствовавшей его медным крестом с

которым с тех пор никогда не расставался, посвятил себя иноческой жизни.

Оставив мир блаженный отправился сначала на богомолье в Киево-Печерскую лавру, где один прозорливый затворник по имени Досифей, провидя в юноше доброго подвижника Христова, благословил его идти спасаться в Саровскую пустынь².

- Гряди, чадо Божье, - говорил прозорливый старец юному подвижнику, - и пребудь в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение; с помощью Божьей, там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух Сокровище благих управит жизнь твою в святыне.

Повинуясь завету прозорливого старца, Прохор пришел в Саровскую пустынь, где с любовью был принят настоятелем пустыни, старцем Пахомием иноком кротким и смиренномудрым много подвизавшимся в посте и молитве и бывшим - образцом иноков. Провидя благое произволение Прохора, Пахомий определил его в число послушников и отдал в научение старцу, иеромонаху Иосифу, бывшему казначеем обители. Находясь в келейном послушании у старца, Прохор с ревностью исполнял все монастырские правила и уставы и различные братские послушания: в хлебне, в

просфорне, в столярне; кроме того, он исполнял в храме обязанности пономаря. Никогда не бывал он праздным, но постоянною работою старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инок искушений.

- Болезнь сия врачуется, - говорил он впоследствии по собственному опыту, - молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божьего и терпением потому, что и рождается она от малодушия, беспечности и празднословия.

На церковные службы Прохор являлся прежде всех, выстаивая неподвижно все богослужение, как бы оно ни было продолжительно. Вне церкви любил он уединяться в своей кельи, занимаясь рукоделием или каким-либо иным послушанием он беспрестанно имел в памяти и сердце молитву Иисусову, силою её препобеждая различные вражеские искушения. Не довольствуясь тишиною и безмолвием Саровской обители, юный подвижник соревнуя некоторым старцам которые, с благословения настоятеля, удалились на полное уединение из монастырской ограды в глубь монастырского леса³, - по благословию своего старца Иосифа также удалялся в свободные часы в лесную чащу для молитвенного безмолвия. С молитвою он

соединял воздержание и пост в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни, принимая ее только один раз. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику, постоянные и разительные подвиги которого трудно было укрыть, несмотря на глубокое его смирение. Особенно любовь и доверие являли к нему, как бы к своему родному чаду, старцы Пахомий и Иосиф. Эта любовь и всеобщее уважение Саровских иноков к юному подвижнику Христову особенно ясно выразились по следующему случаю.

В 1780 году Прохор тяжело заболел. Все тело его распухло, и он, претерпевая жестокие страдания, неподвижно лежал на своем жестком ложе. Врача не было, и болезнь не поддавалась никаким средствам; по-видимому, это была водянка. Недуг длился в течение трёх лет, половину коих страдалец провел в постели. Но слово ропота никогда не сходило с уст Прохора; всего себя, и тело и душу, он предал Господу и непрестанно молился, слезами своими омывая ложе свое⁴. Духовный отец и наставник Прохора, старец Иосиф служил ему, во время болезни, как простой послушник; настоятель обители, старец Пахомий, неотлучно находился при нем; старец Исая и другие старцы и братья также много пеклись о нем. Наконец,

опасаясь за самую жизнь страдальца, Пахомий с решительностью предлагал ему позвать врача. Но блаженный с еще большею решительностью отказался от врачебной помощи.

- Я предал себя, отче святой, - сказал он старцу, - истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой его Матери; если же любовь ваша рассудит снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством (т.е. причастием Св. Тайн).

Тогда старец Иосиф по просьбе больного и по своему собственному усердию, отслужил о здравии Прохора всеобщее бдение и литургию; на богослужение собрались братья из усердий помолиться о страждущем. После литургии Прохор был исповедан и причастился на болезненном одре своим святым Христовым Тайн.

И вот по причащении, ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария, сопровождаемая апостолами Иоанном Богословом и Петром. Обратившись Божественным ликом Своим к Богослову, Она сказала, указывая перстом на Прохора:

- Сей - нашего рода!⁵

Потом Она возложила правую руку на его голову, - и тотчас же материя, наполнявшая тело больного, начала вытекать чрез образовавшееся

в правом боку отверстие. В скором времени Прохор совсем исцелел и лишь признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на его теле, как бы в свидетельство его дивного исцеления. На месте явления Богоматери вскоре затем, особым примышлением Божиим была сооружена двухэтажная церковь с двумя престолами и при ней больница, на месте сломанной кельи Прохора. Последний, по порученью настоятеля, собирал пожертвования на это построение и собственными руками соорудил в нижней больничной церкви престол из кипарисового дерева. Когда престол этот был освящён преподобный Серафим до конца своей жизни причащался св. Тайн преимущественно в этом храме - для непрестанного памятования о явленном ему на сем месте великом благодеянии Божьем⁶.

Пробыв в Саровской пустыни восемь лет в звании послушника, Прохор 18-го августа 1786 года, 27-ти лет от роду, удостоился пострижения в иноческий образ, при чем ему дано было новое имя - Серафим. С принятием иноческого сана, самое значение нового имени⁷, напоминая Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу Ангелов, возвышало в нем еще сильнейшее желание и святую ревность служить Господу. Серафим усугубил свои труды и подвиги и стал

держатъ себя еще уединеннее, погружаясь во внутреннее Богомысленное созерцание.

С небольшим через год после того, преподобный был посвящен в сан иеродиакона⁸. С того времени он около шести лет почти непрерывно служил в этом сани, и к трудам прилагал труды, к подвигам еще новые, горя духом и пламенея Божественною любовью. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил он в бодрствовании и усердной молитве, без отдыха, стоя на молитвенном правиле до самой литургии; по окончании же Божественной службы, оставался еще долгое время в храме, приводя в порядок священную утварь и заботясь о чистоте алтаря Господня. И при всем том блаженный Серафим почти не чувствовал трудов, не утомлялся, не нуждался после них в продолжительном отдыхе, часто совсем забывая о пище и питье, и, отходя для отдыха, жалел зачем человек не может подобно Ангелам непрерывно служить Богу.

Все выше и выше восходила душа Серафима по лестнице добродетелей и Богомысленных созерцаний, - и, как бы в ответ на его пламенную святую ревность, Господь утешал и укреплял его в подвигах благодатными небесными видениями, созерцать кои он сделался способным вследствие чистоты сердца,

непрестанного воздержания и постоянного возвышения души к Богу. Так иногда, при церковных служениях он созерцал святых Ангелов, сослужащих и воспевающих с братией, в образе молниеносных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; пения их нельзя было ни выразить словом, ни уподобить никакой земной мелодии. **"Сердце мое сделалось, как воск, растаяло"** (Пс. 21:15), - говорил он впоследствии словами Псалмопевца, вспоминая ту неизреченную радость, которую испытывал при сих небесных явлениях. И не помнил он тогда от той радости ничего; помнил только, как входил в церковь, да выходил из неё.

Но особенно благодатного, знаменательного видения сподобился преподобный однажды, во время Божественной литургии на страстной седмице. Это было в великий четверг. Литургию совершали благоговейные старцы Пахомий и Иосиф вместе с блаженным Серафимом, - ибо Пахомий глубоко привязался к юному, но благоискусному иноку и божественную службу почти всегда совершал с ним. Когда Серафим, после малого входа и паремий, возгласил: "Господи, еси благочестивым", и, вышедши в царские врата, со словами: "и ко веки веков", навел на предстоящих орачем, его внезапно озарил сверху необыкновенный свет, как бы от

лучей солнечных. Подняв взоры на сияние, блаженный Серафим узрел Господа нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел Небесными Силами; ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат шел Он по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши руки Свои, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ близ царских врат⁹. Сердце блаженного преисполнилось неизреченною радостью, в сладости пламенной любви к Господу, и озарилось Божественным светом небесной благодати. И сам он от сего таинственного видения мгновенно изменился видом, - и не мог ни сойти с места, ни проговорить ни слова. Многие заметили это, но никто не понимал настоящей причины происходящего. Тотчас же два иеродиакона подошли к Серафиму и ввели его в алтарь; но и после того он около двух часов стоял неподвижно на одном месте, - только лицо его поминутно менялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался в нем живой румянец. Служившим литургию старцам Пахомию и Иосифу казалось, не почувствовал ли Серафим неожиданную слабость сил которая

столь естественно могла случиться с ним в великий четверг после продолжительного поста, особенно при том уважении, какое питал к нему издавна блаженный Серафим; но потом поняли, что ему было видение. Когда Серафим пришел в себя, старцы спросили его, что такое случилось с ним. Серафим кротко, с детскою доверчивостью поведал им о своем видении. Опытные в духовной жизни старцы сложили в сердце рассказ его; блаженному же Серафиму внушили, чтобы он не возгордился и не дал бы в душе места пагубной мысли о каком-либо своем достоинстве пред Богом. Но никто, кроме упомянутых старцев не узнал тогда, какого дивного посещения Божьего сподобился блаженный Серафим.

И святой, после сего благодатного небесного видения, не возмечтал о себе и о своих духовных дарованиях, но еще более утвердился в смиренномудрии. Ограждаемый глубоким смирением, но восходил от силы в силу и, непрестанно подвизаясь в духовном самоуничижений, верно и неуклонно шел царским путем Креста Господнего. С сего времени Серафим стал еще более искать безмолвия и чаще прежнего удалялся для молитвы в Саровский лес, где для него была устроена пустынная келья. Проводя дни, с утра

до вечера, в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, вечером он удалялся в пустынную келью для ночной молитвы, а рано утром опять возвращался в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793-м году Серафим на тридцать пятом году от рождения был рукоположен в сан иеромонаха¹⁰. И в этом сане, он, как и прежде, но с еще большею любовью продолжал в течение долгого времени непрерывное священно служение, причащаясь ежедневно с верою и благоговением св. Христовых Тайн.

Вскоре после этого, преподобный Серафим подъял на себя еще высший подвиг и добровольно удалился в пустыню. Это было по кончине любимого начальника и наставника его, блаженного старца Пахомия, который и благословил его пред своею кончиною на сей подвиг. С горьким плачем проводив тело своего наставника в землю, Серафим приняв на то благословение нового настоятеля, старца Исаяи, своего отца духовного, оставил обитель для безмолвных подвигов в пустыне¹¹.

Келья преподобного Серафима находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за 5 - 6 от монастыря, и состояла из одной деревянной

комнатки с печкой. Подле кельи преподобный устроил небольшой огород, а потом и пчельник, которые обнес забором. Невдалеке от Серафима жили в уединении другие отшельники Саровские, и вся окрестная местность, состоявшая из разных возвышенностей, усеянная лесом, кустарником и кельями пустынножителей, как бы напоминала собою святую гору Афонскую. Посему преподобный наименовал пустынный холм свой горою Афонскою, дав и другим самым уединенным местам в лесу имена разных святых мест: Иерусалима, Вифлеема, Иордана, потока Кедрского, Голгофы, горы Елеонской, Фавора, - как бы для живейшего представления священных событий земной жизни Спасителя, Которому он окончательно предал свою волю и всю жизнь. Непрестанно упражняясь в чтении святого Евангелия, он особенно любил читать в этих местах о соответствующих их именам евангельских событиях. В Вифлеемском своем вертограде воспевал он евангельское славословие: **"слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!"**¹². На берегу Саровки, как бы на берегах Иордана, вспоминал он о проповеди святого Иоанна Крестителя и крещений Спасителя. Нагорную беседу Господа о девяти заповедях блаженства

он слушал на одной горе, лежавшей у Саровки, а на другой возвышенности, названной горою Преображения, созерцал в мысленном соприсутствии с Апостолами славу Преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего леса, он вспоминал по Евангелию мольбу Господа о чаше¹³ и, тронутый до глубины души внутренними его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. На, так названной им горе Елеонской он созерцал славу Вознесения Христа на небо и Его сидение одесную Бога.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, даже убогую: на голове поношенную камилавку, на плечах полукафтаны как бы в виде балахона из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные чулки и лапти; на балахоне его висел неизменно тот самый крест которым благословила его некогда мать, отпуская из дома в святую обитель, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно носил при себе св. Евангелие, которое всегда напоминало ему о спасительном ношении благого ига и легкого бремени Христова. Все время проходило для ревностного подвижника Христова в непрерывных молитвах и псалмопениях, чтении священных книг и телесных трудах.

В холодную пору преподобный собирал сучья и хворост и рубил своим топориком дрова для отопления своей убогой кельи. Летом он работал на своем маленьком огороде, который он сам возделывал и удобрял и овощами которого он преимущественно питался. Для удобрения земли, он ходил в жаркие летние дни на болотистые места за мохом, - и так как он входил туда, обнажившись и лишь препоясав чресла свои, то комары и другие насекомые, кишевшие над болотом, жестоко уязвляли тело его, так что оно часто не только опухало, но даже синело и запекалось кровью. Но подвижник Божий добровольно терпел эти мучительные язвы, Господа ради, и даже радовался им потому что, как говорил он, впоследствии, "страсти истребляются страданием и скорбью-или произвольною, или посылаемою Промыслом", и потому, для совершеннейшего и надежнейшего очищения души, принимал на себя произвольные страдания. Собрав, таким образом, мох, угодник Божий удобрял гряды, сажал семена, поливал их, полел и собирал овощи, непрестанно славословя Бога и изливая тихую, святую радость свою в пении священных песнопений, которыми освежал и назидал дух свой среди однообразия телесных занятий. Обладая светлою

памятью, с детства благоговейно внимательный к церковным службам Серафим знал наизусть множество церковных песнопений, кои и любил воспевать, среди трудов в своей безмолвной, уединенной пустыни, причем некоторые, наиболее близкие к преподобному, люди замечали, что многие из этих песнопений имели наибольшее приложение к местности и к его уединенному иноческому доброделанию. Так святой Серафим особенно любил часто воспевать: **"Всемирную славу"**¹⁴ - в честь Богородицы, Которую считал покровительницей своей пустыни, - **"Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, кроме мира суетного сущим"**¹⁵ - антифон изображающий пустынную жизнь и воскреляющий душу пустытника к предметам Божественным, а также песнопения, возносящие душу человека к великому делу любви Божьей, к творению мира и человека, как-то: **"Есть в несущих вся правда, словом созидаемая, духом совершаемая"**¹⁶, **"Снизойди на нечистую землю повелением своим"**¹⁷ и т. д.

И вот среди этой трудовой молитвы, занимаясь где-либо работой в огороде, на пасеке, или в лесу, преподобный погружался в столь глубокое созерцание духовных тайн что, незаметно для себя, прерывал работу, орудия

падали из рук его, руки опускались, глаза придавали лицу особенный, благодатный характер самоуглубления. Старец всею душою погружался в самого себя, умом восходил на небо и витал в Богосозерцании. И если кому-нибудь в такие минуты случалось быть подле, или проходить мимо, то никто не смел нарушить благодатной тишины и покоя преподобного, и каждый тихо скрывался от него. В каждом предмете, в каждом делании Серафим видел сокровенное отношение их к духовной жизни и отсюда поучался и возводил умные очи свои горе. Так при рубке дров сделав один или три обрубка, он углублялся в созерцание великого таинства Единого Бога, в Троице славимого.

Сверх телесных трудов преподобный Серафим, дабы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг особенно - Священного Писания, а также святоотеческих¹⁸ и богослужебных. Самою первою книгою для него было св. Евангелие, с которым он никогда не расставался, нося его с собою. Подвижническая жизнь, чистота сердца, молитвенные собеседования с Богом, духовная самоуглубленность и огромная начитанность в Священном Писании и душеполезных книгах -

озарили ум его таким светом, что он ясно понимал и всею душою проникал смысла слова Божьего. Он поставил себе в пустыне постоянным правилом ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола. "Душу снабдевать, - говорил он впоследствии, - надобно словом Божьим: ибо слово Божье есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением слова Божьего в уединении и прочитывать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит дара разумения". И святой старец от непрестанных упражнений в чтении Слова Божьего стяжал себе этот благодатный дар разумения, а вместе с тем мир душевный и высший дар сердечного умиления. В Священном Писании он искал уже не одной истины, но и теплоты духа, и нередко, за священным чтением из его глаз текли слезы

умиления, от которых человек, по собственному признанию старца, согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Ежедневно преподобный совершал по Следованной Псалтири иноческое молитвенное правило, по чину древнейших христианских пустынножителей; в свое время пел и читал 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы, вечерню, малое повечерие, молитвы на сон грядущим, при чем часто также, вместо вечернего правила, полагал по тысяче поклонов за один раз, полунощницу и другие службы церковные. Изведав все образы и степени молитвы, он восходил не только до подвига так называемой умной молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, когда ум и сердце бывают соединены в молитве, помыслы не рассеяны и сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

Так спасаясь в пустыне в течение недели, святой Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в Саровскую обитель, слушал вечерню, всенощное бдение или утреню, и за ранней литургией причащался св. Таин, после чего до вечерни принимал приходивших к нему по своим нуждам братьев,

и потом, взяв с собою хлеба на неделю, возвращался в свою пустынную келью. Всю первую неделю Великого поста он проводил в монастыре и в эти дни говел, исповедовался и причащался св. Тайн.

С молитвенными подвигами блаженный старец соединял подвиги великого воздержания и поста. В начале своей пустынной, отшельнической жизни он питался черствым и сухим хлебом, который брал с собою из обители по воскресеньям, на целую неделю, но и из этого количества хлеба он уделял добрую долю пустынным животным и птицам, которые очень любили его и часто посещали место его молитвенных подвигов. Даже диким зверям старец внушал благоговение. Так, к нему часто приходил громадный медведь, которого он кормил; по его слову, медведь уходил в лес и потом приходил снова, и старец кормил его и давал иногда кормить его своим посетителям. Впоследствии, преподобный Серафим еще более усугубил свой пост, отказавшись даже от хлеба, и приучил тело к такому воздержанию, что питался, по слову Апостола, "**работая своими руками**" (1Кор. 4:12), одними овощами своего огорода. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения св. Тайн в субботу. Совсем

перестав брать хлеб из обители, он в течение более двух с половиною лет жил без всякого содержания от неё, и братия недоумевала, чем мог питаться старец все это время, не только летом но и зимою; только незадолго до смерти старец поведал некоторым близким ему лицам что он около трех лет питался лишь отваром из травы снити¹⁹, которую летом собирал и сушил на зиму.

Между тем многие стали нарушать безмолвие блаженного пустынноика, часто посещая его ради духовного наставления и утешения. Многие из Саровской братии приходили к нему за советами и наставлениями, или для того, чтобы только повидать его. Умея узнавать и различать людей, старец от некоторых уклонялся, сохраняя молчание. Но тех, кто имел до него действительную духовную нужду, он охотно принимал и с любовью руководил их своими советами, наставлениями и духовными беседами. Таковыми были, например его постоянные посетители схимонах Марк и иеродиакон Александр²⁰: но и они, находя иногда старца совершенно погруженным в Богомыслие, не осмеливаясь нарушить его покой, или дожидались конца его молитвенных подвигов или, прождав некоторое время, тихо удалялись от старца. Бывали у преподобного и

посторонние посетители. Если же, вне своей пустынной кельи, старец неожиданно встречал кого-либо в лесу, то, обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и уходил прочь, ибо от молчания, как говорил он впоследствии в своих наставлениях, никто никогда не раскаивался. Но вообще Серафим тяготился посетителями, нарушавшими его безмолвие. Особенно было для него тяжело, когда приходили к нему женщины; но уклоняться от наставлений им он не мог, считая это делом негодным Богу. Тогда святой старец на том случайном основании, что женскому полу возбранен вход на св. гору Афонскую, решился распространить это запрещение и на свой холм названный им тем же именем. Придя однажды в монастырь во время совершения Божественной литургии, Серафим просил на то благословенья у строителя Саровского, старца Исаяи, который, после некоторого недоумения²¹, благословил его на то иконой Богоматери, именуемой "Блаженное Чрево"²². Вместе с тем, старец Серафим обратился с горячею мольбою к Богу и Пресвятой Богородице, дабы желанье его исполнилось, и женщинам был бы возбранен вход на его пустынный холм так, чтобы это не было камнем преткновения и соблазна, как некоторым из братьев, так еще более и мирянам;

в удостоверение изволения Божья на сие прошение, он просил знамения в виде преклонения ветвей дерева, мимо которого он проходил, возвращаясь с праздника Рождества Христова из Сарова в свою пустынную келью. И вот когда он на 26-е декабря ночью, пошел в Саров к Божественной литургии, то, дошедши до места, где грунт земли круто спускается вниз увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и преградили проход к его кельи, тогда как с вечера ничего подобного не было. Тогда святой старец в чувстве живейшей благодарности Богу, пал на колени, уразумев из происшедшего, что желание его угодно Господу. И сам он поспешил завалить колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще посторонним лицам с этих пор вход к нему был совершенно закрыт.

При виде таких подвигов великого старца, исконный враг рода человеческого вооружился против него всевозможными искушеньями и кознями. Так он наводил на подвижника различные страхования, то, испуская за дверями как будто вой дикого зверя, то, представляя, что как будто скопище народа ломить дверь его кельи, выбивает косяки, бросает в старца обрубок дерева и т. п.; по

временам и днем, но особенно ночью, во время молитвенного предстоянья преподобного старца Серафима, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается и со всех сторон врываются с яростным ревом страшные звери; иногда вдруг пред ним появлялись отверстые гробы с восстающими из них мертвецами. И когда, впоследствии, один мирянин в простоте сердца своего, спросил его: "батюшка, видали ли вы злых духов?" - он отвечал с улыбкою: "они гнусны, - как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они - гнусны". Но все эти страшные видения, ужасы и искушения, сопровождаемые иногда и телесными страданиями, благодатный старец превозмогал теплою молитвою и препобеждал силою Честного и Животворящего Креста Господня. Неоднократно старец Серафим был искушаем духом честолюбия, избираемый в игумены и архимандриты разных монастырей²³; но он всегда в таких случаях с непоколебимою твердостью, растворенною глубокими смирением отклонял от себя эти назначения, стремясь к истинному подвижничеству и в иноческом житий ища лишь спасения души своей и ближних.

Видя смиренномудрие святого старца, дьявол воздвиг на него сильную мысленную брань²⁴,

поддерживая ее с такою силою, от которой падали некоторые и из великих подвижников. Тогда старец Серафим, в тяжком душевном обстоянии, обратился с сердечною молитвою к Подвигоположнику нашего спасения Господу Иисусу Христу и его Пречистой Деве Матери, и в то же время, для устранения и истребления дьявольских козней, решился подъять на себя новый высший молитвенный подвиг по примеру древних христианских столпников. В глубине дремучего леса, в ночное время, никем невидимый, всходил он на высокий гранитный камень, для усиления своего молитвенного подвига, и долговременно молился на нем, стоя на ногах или коленопреклоненный, взывая от глубины души мытареву молитву:

- Боже, милостив будь мне грешному!

В кельи своей сей новый столпник поставил также небольшой камень, на котором молился с утра до вечера, оставляя тот камень лишь для отдохновения от крайнего изнурения сил или для небольшого укрепления себя скудною пищею. В этом великом подвиге преподобный Серафим провел тысячу дней и тысячу ночей. Враг окончательно был побежден, и мысленная брань прекратилась. Но от такого необычайного молитвенного подвига и почти трехлетнего стояния на ногах старец пришел в крайнее

телесное изнурение и получил тяжкие, болезненные язвы на ногах, кои не оставляли его до самой смерти. И только тогда, наконец, прекратил он свой невыносимо тяжкий подвиг столпничества, на который и в древности решались лишь весьма немногие подвижники. Но при жизни старца никто не знал о сем необычайном молитвенном его подвиге, который он сумел скрыть от любопытствующего взора человеческого. К бывшему после старца Исаяи игумену Нифонту был о Серафиме от преосвященного епископа Тамбовского тайный запрос, на который настоятель Саровский отвечал: "о подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях таких, также о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно"²⁵. И лишь незадолго до блаженной кончины своей преподобный Серафим, по примеру многих других подвижников в числе других обстоятельств своей жизни, поведал некоторым из Саровской братии и о сем своем дивном подвиге. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих. На сие святой старец заметил со смирением веры:

- Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе: а мои труды похожи ли на его подвиг?

Когда же собеседник заметил что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати укрепляющей, преподобный отвечал:

- Да, иначе сил человеческих не хватило бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, свыше нисходящим от Отца светов.

Потом, немного помолчав, прибавил:

- Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами²⁶.

Посрамленный дьявол начал строить новые козни святому старцу для удаления его из пустыни. Он послал на него злых людей, которые, встретив преподобного в лесу, стали требовать от него денег будто бы получаемых им от приходящих к нему мирян. Старец отвечал, что он ни от кого не получает денег. Но они не поверили, и один из злодеев бросился на него, но сам упал. Серафим обладал телесной силой и, с топором в руках мог бы защищаться против трех разбойников. Но он вспомнил слова Спасителя: **"все, взявшие меч, мечом погибнут"** (Мф. 26:52); и, опустив топор, сложил крестообразно на груди руки и кротко сказал:

- Делайте, что вам надобно.

Один злодей, подняв топор, так сильно ударил старца обухом топора по голове, что у него изо рта и ушей хлынула кровь.

Преподобный Серафим в беспамятстве упал. Злодеи продолжали яростно бить его обухом топора, поленьями, руками и ногами. Наконец, заметив, что он не дышит и считая его мертвым, они связали ему веревками руки и ноги, намереваясь бросить тело его, для сокрытия своего преступления, в реку; сами же бросились в келью старца за предполагаемой добычей, но, тщательно пересмотрев перебрав и переломав все в кельи, ничего не нашли, кроме святой иконы и нескольких картофелин. Тогда они пришли в страх и раскаянье, что убили, без всякой пользы для себя, святого, нестяжательного человека Божьего, и бросились бежать. Между тем Серафим, очнувшись и кое-как развязав себе руки, вознес к Богу молитву о прощении своих убийц и с трудом дополз до своей кельи, где провел всю ночь в жестоких страданиях. На другой день с величайшим трудом добрал он в обитель во время литургии. Вид его был ужасен: волосы были смочены кровью, спутаны и покрыты пылью и сором, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, несколько зубов было вышиблено. На вопросы ужаснувшейся при сем зрелище братии старец молчал, но, попросив к себе настоятеля, старца Исаяю, и монастырского духовника, поведал им о случившемся. И вот, к злорадству

дьявола, Серафим принужден был остаться в монастыре. Нестерпимо страдал он и лежал еле живой, не принимая никакой пищи. Так прошло восемь суток. Тогда, отчаявшись за его жизнь, послали за врачами, которые, освидетельствовав Серафима, нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами, и удивлялись, как старец мог остаться в живых после таких побоев. Для совещания о том, что лучше предпринять к облегчению старца, братия собрались в его кельи. В тоже время послали за настоятелем. И вот, - в ту минуту, когда оповестили, что настоятель идет, преподобный Серафим забылся и уснул тонким, легким, спокойным сном. Во сне увидел он дивное видение, подобное тому, какое видел некогда ранее, когда, еще в бытность свою послушником лежал в смертельной болезни. К нему подошла Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная небесною славою; за Ней шли апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла:

- Что вы трудитесь?

Потом, обратясь опять лицом к старцу Серафиму, произнесла:

- Сей - от рода Моего!

После этого, видение, которого присутствовавшие и не подозревали, кончилось, - а когда настоятель вошел в келий, больной снова пришел уже в себя. Отец Исаяя стал настоятельно и с любовью уговаривать его воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, несмотря на отчаянное свое положение, после стольких забот о нем к удивлению всех твердо отвечал, что теперь он не желает никакого пособия от людей, умоляя настоятеля позволить ему предоставить свою жизнь Богу и Пресвятой Богородице. Настоятель принужден был исполнить желание старца, который от дивного Божественного посещения в продолжение нескольких часов находился в несказанной, неземной радости. Потом старец успокоился и почувствовал облегчение от болезни и постепенное возвращение сил. Немного времени спустя, он уже встал с постели, начал немного ходить по кельи и вечером подкрепился пищею. С того же самого дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Со дня болезни старец пробыл в монастыре около пяти месяцев. Болезнь сделала его

согбенным, что еще и ранее замечалось в нем после того как однажды при рубке он был придавлен деревом. Но, почувствовав в себе опять силы к проведению пустынной жизни, Серафим обратился к настоятелю с просьбою отпустить его в пустыню. Старец Исайя и братия упрашивали его остаться навсегда в монастыре. Но преподобный твердо отвечал, что ни во что вменяет подобные нападения, как случившееся с ним и готов перенести до смерти все оскорбления, какие бы ни случились. Тогда отец Исайя благословил то желание, и Серафим возвратился в свою пустынную келью.

Вскоре после этого разбойники избившие старца, были найдены; то были крепостные люди некоего местного помещика Татищева. Тогда преподобный Серафим, с любовью простив их, просил настоятеля и помещика не наказывать их объявляя, что в противном случае он оставит Саровскую обитель и тайно удалится в другие отдаленные святые места. По мольбе старца злодеев простили, но Бог покарал их за Своего угодника: вскоре сильный пожар совершенно истребил их жилища. Тогда разбойники пришли в раскаянье, и со слезами просили у преподобного Серафима прощения и святых молитв, возвратившись его благословением на путь добродетельной жизни.

За свои высокие подвиги и богоугодную жизнь святой старец сподобился от Бога благодатного дара прозорливости. Но тем более он избегал славы человеческой и стремился к безмолвию.

В 1806 году настоятель Саровской обители, старец Исая, по своему болезненному положению и преклонности лет удалился от дел, и братия единодушно избрала на его место преподобного Серафима. Но Серафим уклонился от этого, как по своему глубокому смирению, так и по крайней любви к пустыне и безмолвию. Тогда настоятелем был избран отец Нифонт, с детства известный Серафиму. Между тем старец Исая, вследствие недугов своих и слабости сил не имея возможности ходить за шесть верст в пустынь к преподобному Серафиму и вместе с тем, не желая лишиться утешения беседовать с ним, сильно скорбел о том. Тогда братия, по усердию, стали возить престарелого Исая в пустынь к преподобному Серафиму, за телесною немощью обоих. Но вскоре и этот последний из самых дорогих друзей преподобного Серафима по жизни духовной отошел к Господу. Эта потеря поразила Серафима глубокою скорбью, и с того времени он еще более и чаще стал размышлять о тленности привременной сей жизни, о жизни будущей и страшном суде

Христовом. Вместе с тем он с особенным усердием стал молиться о упокоении душ дорогих сердцу его блаженного Пахомия, Иосифа и Исайи и, проходя мимо монастырского кладбища, всегда на их могилах возносил пламенные моления ко Всевышнему о них и о других Саровских старцах и подвижниках, называя их по пламенности и высоте молитв "огненными от земли до небес". И другим старец завещевал чаще поминать их в молитвах. Так, одной знакомой инокине, нередко бывавшей в Сарове и посещавшей Серафима, последний дал такую заповедь:

- Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исайи, Пахомия, Иосифа, Марка, и проч. и потом говори про себя: простите, отцы святые, и помолитесь обо мне.

По смерти старца Исайи, преподобный Серафим не изменил, своего образа пустынножизни, но придавал новый характер своему подвижничеству, возложив на себя тяжкий подвиг молчальничества.

Приходили ли к нему в пустыню посетители, - он не выходил к ним. Случалось ли ему самому встретить кого в лесу, - он падал ниц на землю и до тех пор не поднимал очей, пока

встретившийся не проходил мимо. В таком безмолвии прожил он около трех лет. Незадолго до сего срока, он перестал посещать даже Саровскую обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынную его келью, особенно зимою, когда у старца не было своих овощей. Пища приносилась раз в неделю, в воскресный день. Когда брат входил в сени, старец сказавши про себя: "аминь", отворял двери, потупив лицо в землю, и лишь когда брат уходил старец клал на лоток, лежавший на столе, небольшую частицу хлеба или немного капусты, в знак того, что принести ему в следующее воскресенье.

Но это все были только наружные знаки молчаливчества. Сущность же многотрудного подвига старца заключалась собственно не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего, совершеннейшего посвящения себя Богу.

Многие из братии весьма сожалели о таком удалении благодатного старца от общения с ними и о подъятом им на себя подвиг молчаливчества, а некоторые даже как бы укоряли его за то, что он уединяется, тогда как, пребывая в близком общении с братией, он мог бы назидать их и словом и примером, не терпя

ущерба и в благоустроении своей души. Но на все сии упреки старец отвечал словами преподобного Исаака Сирина: "возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире" и - святого Григория Богослова: "прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога".

И подъятый преподобным Серафимом на себя многотрудный подвиг молчальничества совершеннейшим образом очищал и просвещал праведную душу его и еще более и выше возводил в тайны Богосозерцания, совершенно обезоруживая дьявола для борьбы с пустынножителем. Какие плоды духа приносил для Серафима этот подвиг, - о сем ясно можно судить по наставлениям святого старца касательно безмолвия, несомненно основанным и на собственном опыте. "Когда мы в молчании пребываем, - говорил впоследствии преподобный Серафим, - тогда враг, дьявол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость. В соединении с другими занятиями духа, молчальничество возводит человека к

благочестию. Молчание приближает человека, к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в кельи своей во внимании и молчании, и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу: а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: **"А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим"** (Ис. 66:2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысел неразвлекаемым. Наконец, приобревшего сие ожидает мирное состояние". Так проходил преподобный Серафим подвиг молчальничества, и, достигая высших дарований духовных, получал и новые благодатные утешения, ощущая в сердце неизреченную **"радость во Святом Духе"** (Рим. 14:17).

Переходя далее по лестнице добродетелей и иноческого подвижничества, преподобный Серафим возложил на себя еще высший подвиг затворничества. Это произошло следующим образом. В это время после Исаяи настоятелем Саровским был отец Нифонт муж богобоязненный и добродетельный, и в то же время великий ревнитель устава и порядков церковных. Между тем Серафим со времени

смерти Исаяи, положив на себя обет молчания, жил в пустыне своей безысходно, как в затворе. Прежде он хаживал по воскресным дням в Саровскую обитель для причащения св. Тайн. Но теперь он от болезни ног, развившейся от долговременного стояния на камнях, и ходить не мог. Многие из иноков соблазнялись этим обстоятельством, недоумевая, кто же причащает его св. Тайн, и потому строитель созвал, наконец, монастырский собор из старших иеромонахов, представив им на разрешение вопрос относительно причащения старца Серафима. После совещания, старцы решили предложить Серафиму, чтобы он или ходил, если здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель в воскресные и праздничные дни для причащения св. Тайн; если же ноги не служат ему, то навсегда бы перешел на жительство в монастырскую келью. Общим советом было положено спросить чрез брата, носившего по воскресеньям пищу старцу Серафиму, что он изберет. Брат так и сделал, но на первый раз старец не отвечал ему ни слова. Брату поручили вторично передать Серафиму в следующий воскресный день предложение монастырского собора. Тогда старец Серафим, благословив брата, отправился вместе с ним пешком в обитель, знаком дав при этом понять, что он не

в силах был по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным днями в обитель. Это было 8-го мая 1810-го года, когда преподобному Серафиму было пятьдесят лет от роду. Возвратившись в обитель после пятнадцатилетнего пребывания пустыне, Серафим не заходя в свою келью, отправился в больничный корпус. Это было днем пред наступлением веночного бдения. По удару в колокол старец явился на всеобщее бдение в Успенский храм. Все братья пришли в сильное удивление, когда между ними мгновенно разнесся слух, что старец Серафим решился поселиться в обители. На другое же утро, 9-го мая, в день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая, Серафим пришел по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился св. Христовых Тайн. Из храма он направился в келью строителя Нифонта и, приняв от него благословение, поселился в прежней своей монастырской кельи. Но при этом старец никого, однако, не принимал к себе, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, подъяв на себя, таким образом, новый, труднейший подвиг затворничества.

О подвигах преподобного Серафима в затворе известно лишь очень немного, ибо он

никого к себе не допускал и ни с кем не промолвил ни слова. В кельи своей он не имел ничего, даже самых необходимых вещей: икона Богоматери, пред которой всегда горела лампада, и обрубок пня, заменявший стул составляли все. Для себя самого он не употреблял даже огня. На плечах своих под рубашкой он носил на веревках большой пятивершковый железный крест для умерщвления плоти, **"чтобы дух был спасен"** (1 Кор. 5:5). Но вериги и власяницы он не носил никогда. "Кто нас оскорбит словом или делом, - говорил он, - и если мы переносим обиды по-евангельски - вот вериги нам, вот и власяница. Эти духовные вериги и власяницы выше железных". Одежду преподобный Серафим продолжал носить ту же, что и в пустыне. Пил он одну только воду, в пищу же употреблял лишь толокно, да белую квашеную капусту. Воду и пищу приносил ему живший с ним по соседству инок по имени Павел. Сотворив молитву у кельи старца, брат ставил пищу у дверей. А затворник, чтобы никто его не видал, накрывал себя большим полотнищем и, приняв блюдо, стоя на коленях, уносил его в свою келью, как бы принимая его из рук Божьих. Затем, подкрепившись, ставил посуду на прежнее место, скрывая опять лицо свое полотном по

примеру пустынножителей, которые под кукулем²⁷ скрывали лицо свое.

Молитвенные подвиги старца в затворе были никому неизвестны; известно лишь, что они были весьма тяжелы, велики и многообразны. И здесь он, по-прежнему, совершал свое правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Кроме того, он часто совершал "умную" молитву²⁸ Иисусову или Богородичную. На молитве, святой старец погружался иногда в глубокое созерцательное, молитвенное настроение, стоя перед иконой, но, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом созерцая в сердце Господа. В течение недели он прочитывал по порядку весь Новый Завет: с понедельника по четверг четыре Евангелия - по одному каждодневно. В сенях сквозь дверь, иногда слышно было, как он читая, толковал про себя новозаветные священные книги, и многие приходили и слушали слово его в свое наслаждение, утешение и назидание. В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался св. Тайн Христовых. Чтобы никогда не забывать о часе смертном, яснее представлять и ближе видеть его перед собою, святой Серафим попросил сделать для него гроб и поставить его в сенях затворнической его

кельи. Желание святого старца было исполнено: ему выдолбили из цельного дуба гроб с крышкой, и он некрашенный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. В беседах с Саровскими братьями, блаженный Серафим часто говорил относительно сего гроба:

- Когда я умру, умоляю вас братия, положите меня в моем гробе.

Вместе с духовными подвигами старец-подвижник стал соединять и телесный труд, освежая иногда усталую старческую грудь свежим воздухом. По предрассветным утрам, когда все еще спало, святой старец часто, читая молитву Иисусову, быстро двигался по кладбищу, среди могильных памятников или еще где-либо, взад и вперед, переносил тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое, ближайшее к кельи, место. Когда, однажды, послушник - будильщик, обрадованный таким видением, бросился к старцу, целуя его ноги и прося у него благословения, - Серафим благословив его, сказал:

- Оградись молчанием и внимай себе!

Пробыв в затворе пять лет святой старец потом несколько ослабил его, сначала более лишь внешним образом: и келейная дверь у него была открыта, и всякий мог приходить к нему, но на

вопросы имевших нужду в его наставлениях он, приняв на себя обет молчания пред Богом, не отвечал, безмолвно продолжая свое духовное делание. Бывший тогда Тамбовский епископ Иона, часто посещавши Саровскую обитель, однажды пожелал видеть лично отца Серафима и с этою целью подошел было к его кельи; но преподобный, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодия, и на сей раз не нарушил своего молчания и затвора²⁹. Видно, преподобному Серафиму не наступило еще тогда время оставить затвор. Так понял это и преосвященный, который, на предложение игумена Нифонта снять двери кельи старца с крючков отвечал отказом, говоря: "как бы не погрешить нам". И оставил старца в покое.

Но вскоре после этого для преподобного Серафима действительно приспел час - совершенно оставить подвиг своего затворничества и молчальничества. С полным самоотречением терпением, смирением и непостыдною верою пройдя путь общежительного инока, пустынника, столпника, молчальника и затворника, он стяжал себе великую чистоту душевную и сподобился от Бога высших благодатных дарований духовных. И тогда, по Вышней воле, ему надлежало оставить безмолвие и, продолжая жизнь всю в Боге и для

Бога, исполненную высшего отречения от мира, выступит на служение тому же миру - своею любовью, ниспосланными от Бога благодатными дарованиями учительства, прозорливства, чудес и исцелений, своим духовным руководством, молитвою, утешением и советами. Таким образом, преподобный Серафим подъял на себя высочайший подвиг так называемого старчества³⁰, в котором и окончил свое многотрудное и праведное житие.

Сей подвиг великого старца начался с того, что он еще через пять лет, уже начал вступать в беседы с приходившими к нему посетителями, и, прежде всего, иноками. В своих беседах с ними преподобный Серафим главным образом направлял их к утверждению в соблюдении всех иноческих правил, внушая неопустительно совершать и слушать церковное молитвою, неукоснительно и усердно проходить со смирением свое послушание, за трапезою сидеть со страхом Божиим, без уважительной причины не выходить за монастырь, удерживаться от своеволия и самочинения, хранить взаимный мир и т. д. После сего святого старца стали навещать и посторонние, мирские посетители. Двери его кельи стали открыты для всех - от ранней литургии: до восьми часов вечера. И старец всех принимал, преподавая каждому

благословение и соответствующие краткие наставления. Посетителей благодатный старец принимал одетый, обыкновенно, в длинную белую одежду в виде балахона и в полумантию, с епитрахилью и в поручах; впрочем, последние он носил лишь в воскресные и праздничные дни, когда причащался св. Христовых Тайн.

С особенною любовью святой старец принимал к себе искренно и смиренно кающихся и тех, кто проявлял в себе горячее усердие к духовной жизни христианской. После беседы с ними, преподобный Серафим имел обыкновение возлагать на их преклоненные головы конец епитрахили и правую свою руку. При сем он предлагал им произносить за собою краткую покаянную молитву, после чего сам произносил разрушительную молитву³¹, отчего приходившие получали облегчение совести и какое-то особое духовное наслаждение; затем старец крестообразно помазывал чело посетителя елеем из лампы, горевшей пред находившимся в его келий образом Божьей Матери Умиления, которую он называл иконою Божьей Матери - *Радости всех радостей*, а в том случае, когда это было до полудня (т. е. до надлежащего времени вкушения пищи), давал вкушать *великой агиасмы* (Богоявленской воды) и благословлял частицею антидора или

освященного на всенощном бдении благословенного хлеба; потом - с каждым христосовался, в какое бы время то ни случилось, напоминая тем о спасительной силе Воскресения Христова, и давал прикладываться к образу Божьей Матери, или к висевшему на груди его кресту. Одних открывавших ему какие-либо особые свои недуги и скорби сердечные, он утешал и облегчал особыми, соответственными, добрыми отеческими советами и врачеваниями духовными; в других случаях - старец предлагал общехристианское назидание, особенно о непрестанной памяти о Боге, молитве и целомудрии. Во всех таких случаях он особенно завещевал всегда хранить на устах и в сердце молитву Господню - "Отче наш", архангельскую молитву - "Богородице Дева, радуйся", Символ веры и молитву Иисусову - "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного", которые он считал особенно действенными и спасительными. Среди других посетителей, иногда являлись к святому Серафиму и знатные лица и государственные деятели, коим он делал соответствующие наставления, относясь к ним с должною честью и христианскою любовью, обращая внимание на важность их сана и отсюда поучая их верности святой

Православной Церкви и отечеству. Посещали старца и лица царской фамилии; так в 1825-м году у него принял благословение великий князь Михаил Павлович. Но особенно много являлось к святому старцу простолюдинов требовавших от него не только наставлений, но иногда и житейской помощи, с верою на его святость и прозорливость, - и он не только утешал таковых нравственно, но и помогал им в их горе и нуждах силою своей прозорливости, с которою он указывал, например, бедным крестьянам, где найти потерянное или украденное у них добро, заповедуя им только при этом ограждаться молчанием. Нередко он также исцелял недужных, помазуя их в таких случаях елеем из лампы, висевшей пред упомянутым келейным его образом Божьей Матери Умиления. Но при всем том преподобный Серафим вполне не оставлял еще своего затвора; сняв с уст печать молчания и принимая посетителей, он сам никуда, однако же, не выходил из своей кельи.

Вскоре наступило для преподобного Серафима время совсем оставить свой затвор. Но, прежде чем решиться на это, он обратился к Богу с молитвою о высшем изволениях на открытое окончание затвора. И вот в ночь на 25-е ноября 1825-го года, старцу явилась в сонном видении Божья Матерь, вместе с

празднуемыми в этот день святителями Климентом Римским и Петром Александрийским и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. На другой день, восстав от сна и сотворив свое обычное молитвенное правило, он сообщил о своем желании игумену Нифонту, от которого и получил на то благословение. С этого времени преподобный Серафим стал посещать свою пустынную келью и молиться в ней.

Особенно часто старец ходил на так называемый "Богословский" родник. Этот родник находился верстах в двух от монастыря и существовал с давних пор еще до поступления Серафима в Саров; но он находился в запустении: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землею; вода утекала из него только одною трубою. Вблизи родника, на столбик, стояла икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, отчего родник и получил свое наименование. Место это очень полюбилось преподобному Серафиму. Согласно его желанию, родник был расчищен и возобновлен; накат, закрывавший бассейн снят и, вместо того, сделан новый сруб с трубою. Здесь старец и стал проводить подолгу время, занимаясь Богомыслием и телесными трудами; ибо в прежнюю келью, по болезни, он ходить уже не мог. Старец собирал в реке Саровке

камешки и унизывал ими бассейн родника; устроил подле для себя гряды, сажал овощи. На горке, около родника, для старца был устроен маленький сруб без окон и даже без дверей, с земляным входом со стороны под стенкой. Подлезши под стенку, преподобный Серафим отдыхал в этом убогом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя; впоследствии была поставлена ему новая келий с дверями и печью, но без окон. Здесь, в своей пустыни, он проводил все будничные дни, к вечеру возвращаясь в монастырь. Место это стали называть нижней пустынькой отца Серафима, а родник - колодцем отца Серафима.

Умилительно было видеть этого смиренного, согбенного старца подпиравшегося мотыкой³² или топором в пустыне, за рубкою дров или за возделыванием гряд в убогой камилавке без крепа, в холщовом белом балахоне с сумою на плечах где лежало евангелие и груз из камней и песка для умерщвления своей плоти. На вопросы некоторых, для чего он это делает, - старец отвечал:

- Я томлю томящего меня.

Число посетителей благодатного старца значительно увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, другие посещали его в пустыне, жаждающая увидеть его и принять от него

благословение и наставление. Умилительно было видеть, когда преподобный Серафим возвращался в свою пустыньку после принятия св. Тайн- в мантии, епитрахили и поручах. Шествие его замедлялось от множества толпившегося около него народа. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы никого не видал погруженный весь в размышления о благодатной силе св. таинства. Глубоко уважавший и любивший благодатного старца игумен Нифонт по поводу множества посетителей святого Серафима, говаривал:

- Когда отец Серафим жил в пустыне (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских.

С этих пор в преподобном Серафиме Бог открыл верующим по истине великое и драгоценное сокровище. Особенно усладительна была душеполезная беседа благодатного старца, проникнутая какою-то особенною любовью и в то же время дышащая тихою, живительною властью. И все обхождение его с посетителями отличалось, прежде всего, глубоким смирением и всепрощающею, действенною любовью христианской. Речи его согревали сердца, даже

черствыые и холодные, озаряли души духовным разумением растворяли их к слезному и сокрушенно покаянию, возбуждали отрадную надежду на возможность исправления и спасения даже в закоренелых и отчаявшихся грешниках наполняли душу благодатным миром. Никого не поражал угодник Божий жестокими укоризнами, или строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкого бремени. Высказывал он нередко и обличения, но кротко растворяя слово свое смирением и любовью. Стараясь возбудить голос совести советами, он указывал пути спасения, и часто так, что слушатель на первый раз и не понимал, что речь идет о его душе; но потом сила слова, орошенного благодатью, непременно производила свое действие. Слово свое, как и всю свою жизнь, и все свои действия, преподобный Серафим всегда основывал на Слове Божьем, на святоотеческих творениях и на поучительных примерах из жизни святых благо-угодивших Богу. При этом старец особенно чтит тех святых, которые явились наиболее доблестными ревнителями и поборниками православной веры, как-то: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, Климента, папу Римского, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Амвросия Медиоланского и т.

д., и при этом постоянно убеждал стоять за непоколебимость веры и любил объяснять, в чем состоит чистота православия. Любил он также говорить об угодниках отечественной Церкви, например, о святителях Московских Петре, Алексии, Ионе и Филиппе, о Димитрии Ростовском, преподобном Сергии, Стефане Пермском и т. д., поставляя жизнь их правилом на пути к спасению. Все эти речи благодатного старца, помимо вышеуказанных их свойств имели особенную силу еще и потому, что прямо прилагались к потребностям слушателей и имели ближайшее отношение к их жизни и тем частным нуждам и случаям ради коих они приходили в Саров к преподобному Серафиму.

Особенно соблюдал и охранял святой Серафим чистоту православия. Так на вопрос одного раскольника, какая вера лучше: нынешняя церковная, или старая, старец с властью заметил:

- Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша - корабль, а кормчий - Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское, и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём

утверждаешь свою надежду - спасись без кормчего?

В другой раз в Саровскую обитель привезли больную женщину, скорченную до такой степени, что колени её сведены были к груди. Когда ее внесли в келью преподобного Серафима, он стал расспрашивать ее, откуда она и отчего приключилась с нею такая болезнь. Вольная чистосердечно, ничего не утаивая, раскрыла пред старцем как на духу, свою душу, что она родилась в Православной Церкви, но замуж вышла за раскольника, весьма закоснелого в своем лжеучении; вследствие долговременного влияния мужа и его семьи, она оттолкнулась от православия, и за то Бог внезапно покарал ее: ее как бы опалило, после чего начались сильные корчи. Страшная ломота терзала несчастную женщину четыре года, в продолжение коих она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Благодатный старец спросил больную, верует ли она ныне в мать нашу святую православную Церковь, и, на утвердительный ответ приказал больной перекреститься троеперстным сложением. Та отозвалась немощью, по которой не может даже руки поднять. Когда же преподобный с молитвою помазал ей елеем из висевшей у него лампы грудь и руки, недуг мгновенно оставил

ее, и она возблагодарила старца, даровавшего ей исцеление. Народ дивился, при виде сего чуда, весть о коем быстро распространилась по монастырю и его окрестностям.

По чистоте своего духа стяжав дар прозорливости, преподобный Серафим нередко давал иным наставления относившиеся прямо к их внутренним чувствам и мыслям сердечным прежде, чем они раскрывали пред ним те обстоятельства, ради которых они обращались к нему, - и тем неотразимее в таких случаях действовало слово его. Вот особенно поразительный пример сего.

Однажды приехал в Саров из-за любопытства, заслуженный генерал-лейтенант Л. Осмотрев монастырские здания и ничего не получив для души своей, он хотел уже уезжать; но его остановил один помещик по фамилии Прокудин убеждая генерала зайти к затворнику - старцу Серафиму. Надменный собою, генерал сначала отказывался, но потом, уступая усиленным убеждениям Прокудина, согласился видеть старца. Как только вошли они в келью, преподобный, идя к ним на встречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордого генерала. Прокудин же, заметив, что ему не следует оставаться с ними в кельи, вышел в сени, и, украшенный орденами, генерал около

получаса беседовал со старцем Чрез несколько минут послышался из кельи Серафима плач: то плакал как малое дитя, генерал. Чрез полчаса дверь отворилась, и святой Серафим вывел генерала под руки; тот продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им в кельи старца. Преподобный вынес их и надел ордена на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о возможности такой прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до самых тайных подробностей. Между прочим, ордена генерала, во время беседы его с Серафимом свалились, при чем старец заметил:

- Это потому, что ты получил их незаслуженно.

Любовь благодатного старца была, казалось, всеобъемлюща и безгранична; казалось, что он любил всех и каждого больше, чем мать любит единственного сына своего возлюбленного. Не было такого страдания, такой скорби у ближнего, которых бы он не разделил, не принял бы в душу свою, и для врачевания которых не нашел бы соответствующих цельбоносных

средств. И вот он стал в глазах православного русского народа прибежищем, духовною опорой и утешением всех страждущих и обремененных скорбящих и озлобленных милости Божьей и благодатной помощи требующих. Лица всех возрастов званий и состояний и обоих полов с полною, как бы детскою доверчивостью, искренно и чистосердечно раскрывали пред ним свой ум и сердце, свои сомнения и недоумения, свои духовные нужды и печали, свои прегрешения и греховные помыслы, для смиренного исповедания коих без всякого ложного стыда и утайки, нередко на помощь приходил сам благодатствованный старец, прозорливо читая в душе посетителя и вслух пред ним раскрывая его грехи и помыслы. И любвеобильный святой старец всех удовлетворял и успокаивал никто не уходил от него без облегчения и душевного умиротворения, без действительного наставления и благодатного утешения, - ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни униженные, ни знатные. Народа, особенно за последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно до тысячи человек, а иногда до двух и более. Но святой старец не тяготился этим и со всяким находил время побеседовать на пользу души, в кратких словах объясняя каждому то, что ему именно было

благопотребно. И все ощущали его великую любовь и её благодатную силу, и потоки слез нередко вырывались и у таких людей, кои имели твердые и окаменелые сердца.

Нередко преподобный Серафим возбуждал во многих зависть, нарекания или же недоумения, что он всех принимал к себе без разбора, всем одинаково делал добро, всех равно выслушивал, утешал и наставлял, не различая ни пола, ни звания, ни состояния и нравственных достоинств приходивших к нему посетителей. По поводу этого преподобный Серафим говорил не раз:

- Положим что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинять меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу принести Богу на страшном суде его?

В другой раз, когда один инок спросил старца: "Что ты всех учишь?" - тот отвечал:

- Я следую учению Церкви, которая поет: **"не скрывай слов Божьих, но возвещай о чудесах его"**³³.

Таким образом, святой старец прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством своей жизни, в котором Бог потребует от него отчета на страшном суде. Но

при всем этом, когда старец видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям и с пути греха и погибели становились на путь добродетели и спасения, то не восхищался этим как плодом своего дела, ничего не относя к себе, но за все благословляя Благодателя - Бога, говоря в таких случаях:

- **"Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей"** (Пс. 113:9).

И еще говорил он о том же:

- Мы должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: **"тому не радуйтесь, что души вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах"** (Лк. 10:20).

Однажды к преподобному Серафиму пришли одновременно в келью один купец Владимирской губернии и строитель Высокогорской пустыни отец Антоний³⁴. Преподобный с любовью стал кротко и ласково обличать купца в его пороках и предлагать ему соответствующее наставление. Речь благодатного старца была настолько растворена теплотой сердца, что и купец, к которому она относилась, и случайно присутствовавший при сем отец Антоний были тронуты до слез.

Последний, когда купец вышел из кельи, обратился к святому старцу с такими словами:

- Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: еще совсем не выслушавши сего богомольца, вы сами ему все уже высказали. Вижу я теперь, что ум ваш так чист, что от него ничто не скрыто в сердце ближнего.

Но, преподобный Серафим, как бы заграждая уста своего собеседника, возложил на них свою руку и промолвил:

- Не так ты говоришь, радость моя: сердце человеческое открыто единому Господу и один лишь Бог - сердцеведец, а "**даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца**" (Пс. 63:7).

- Да как же вы, батюшка, - снова спросил отец Антоний, - не спросили ни одного слова от купца и все сказали, что ему потребно?

Тогда преподобный Серафим со смирением ответил:

- Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел яко к рабу Божью: я, грешный Серафим так и думаю, что я - грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божьим и говорю, не зная,

что - у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божья для его пользы - Как железо - ковачу, так я передаю себя и свою волю Господу Богу: как ему угодно, так и действую; своей воли не имею; а что Богу угодно, то и передаю.

Между тем эта благодатная прозорливость преподобного Серафима была поистине необычайна. Получая письма, он часто, не распечатывая их, знал их содержание и давал: "вот что скажи от убогого Серафима" и т. д. После блаженной кончины его, нашли много таких нераспечатанных писем, на которых в свое время даны были ответы. Духом святой старец был в единении со многими подвижниками, которых никогда не видел, и которые жили от него за тысячи верст. Когда в затворнике Задонского Богородицкого монастыря Георгии возник помысел, - не переменить ли ему своего места на более уединенное, и никто, кроме него самого, не знал об этом его тайном смущении, вдруг приходит к нему какой-то странник из Саровской пустыни от отца Серафима и говорит ему:

- Отец Серафим приказал тебе сказал: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи.

Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.

С этими словами странник поклонился и ушел. Когда же его стали искать, то не могли уже найти его ни в монастыре, ни за монастырем.

Еще ничего не было слышно об угоднике Божьем Митрофане, первом епископе Воронежском, и о предстоящем его прославлении: не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а между тем преподобный Серафим в нескольких словах собственноручно написанных, поздравлял преосвященного архиепископа Воронежского Антония с открытием святых мощей угодника Божья Митрофана.

Одному мирянину, некоему А.Г. Воротилову, старец не раз говорил, что на Россию восстанут три державы и много изнурять ее; но за православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда речь эта была непонятна; но впоследствии события объяснили, что старец говорил это о Крымской компании.

С 1831 года Серафим многим предвозвещал о предстоящем голоде, и, по его совету, в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть годовых потреб и, вследствие этого, в обители не было голода. Когда явилась первая холера в

России, преподобный открыто предвозвещали, что её не будет ни в Сарове, ни в Дивееве, - и предсказания эти исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Сарове, ни Дивееве не умерло ни одного человека.

Старец равно видел прошедшее и будущее, в нескольких словах очерчивал предстоящую жизнь человека и говорил речь и давал советы, казавшиеся странными, но впоследствии обстоятельства оправдывали их и они оказывались полными духа прозрения.

Кроме дара прозорливости, Господь продолжал являть в преподобном Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Еще ранее, в 1823 году, до окончательного оставления старцем своего затвора, одним из первых и разительнейших явлений этой Богодарованной ему чудодейственной благодати были исцеление им от неподдававшейся никакому лечению болезни одного соседнего помещика Ардатовского уезда М.В.Манторова. Когда недуг принял угрожающие размеры, так что у болящего выпадали даже кусочки кости из ног и всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, Манторов, по совету своих ближних и знакомых, решился ехать в Саров, за сорок верст от своего имения Нуч, к отцу Серафиму,

молва о святой жизни которого в то время распространилась уже по всей России. С большим трудом Манторов внесен был в сени кельи благодатного затворника, которого слезно стал просить об исцелении его от ужасного недуга. Тогда старец с сердечным участием и отеческою любовью, спросил его, верует ли он в Бога. Получив от болящего троекратное твердое и искреннее уверение в безусловной вере в Бога преподобный ласково сказал ему:

- Радость моя! если ты так веруешь, то верь и в то, что верующему все возможно от Бога, а посему веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим помолюсь.

После того он удалился в свою келью и, немного времени спустя, вышел оттуда со святым елеем из лампы, висевшей пред образом Божьей Матери Умиления, велел Манторову обнажить ноги и помазал больные места. И тотчас же струпья, покрывавшие тело, мгновенно отпали, и Манторов получил исцеление и без посторонней помощи вышел из кельи Саровского чудотворца. Когда же Манторов почувствовав исцеление, в радости бросился в ноги преподобному, лобызая их и благодаря за исцеление, старец, приподняв его, строго сказал:

- Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить, - что ты, батюшка? Это - дело Единого Господа, Который творит волю боящихся его и молитву их слушает. Господу Всемогущему, да Пречистой его Матери дай благодарение.

С этими словами смиренномудрый угодник Божий отпустил Манторова.

Не менее поразительно было совершенное святым старцем в 1827 году исцеление некоей женщины Александры, жены дворового человека Лебедева. Она более года страдала по видимому беспричинно овладевшими ею страшными припадками, сопровождавшимися рвотой, скрежетом зубов судорогами всего тела, после чего болящая впадала в полное беспамятство; такие припадки повторялись с нею ежедневно. Принимаемые лекарями к прекращению недуга страдальцы средства не имели никакого успеха, а один опытный, верующий и честный врач, принявший в больной особенно сердечное участие и истощивший над ней все свое внимание, познания и искусство, наконец дал ей совет положиться на волю Всевышнего и просить у Него помощи и защиты, ибо из людей никто ее вылечить не может. Это привело в глубокую скорбь всех присных больной и повергло ее в

отчаянье. И вот в одну ночь явилась к ней незнакомая, весьма старая женщина и, когда болящая в испуге стала читать молитву святому кресту, сказала ей:

- Не убойся меня: я - такой же человек только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к отцу Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя.

Больная осмелилась спросить ее:

- Кто ты такая и откуда?

Явившаяся отвечала:

- Я из Дивеевской общины, первая настоятельница - Агафья.

На другой день родные повезли больную в Саров причем по дороге с ней делались страшные обмороки и судороги. Сарова больная достигла после поздней литургий во время трапезы братии, когда преподобный затворился и никого не принимал. Но не успела еще больная, приблизившись к его кельи, сотворить обычной молитвы, как старец вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Здесь он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице, потом напоил больную Богоявленскою водою, дал ей частицу антидора и три сухарика и сказал:

- Каждые сутки принимай по сухарю со святою водою, да сходи в Дивеево на могилу рабы Божьей Агафьи, возьми себе земли и сотвори, сколько можешь, поклонов: она (Агафья) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления.

Преподав еще несколько кратких наставлений о молитве, преподобный с миром отпустил больную, причем недуг тогда же отошел от нее весьма ощутительно и как бы с неким шумом. Впоследствии болезнь к ней не возвращалась, и она имела многих сыновей и дочерей.

Много различных исцелений совершил над тяжело болящими преподобный Серафим, многие из них записаны, другие остались записанными лишь на скрижалях сердец благодетельствованных им; в кратком сказании о жизни угодника Божьего не достало бы им места. Во всех этих случаях старец, как мы о том упоминали, имел обычай мазать больных маслом из лампы, горевшей пред его келейною иконою Богоматери - *Умиления* и когда его вопрошали, почему он это делает, отвечал:

- Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?

И помазанные преподобным больные получали исцеления.

В кельи у Серафима горело много лампад и теплилось множество восковых свечей, больших и малых, на разных круглых подносах. И, на тайный помысел одного из посетителей, к чему это, прозорливый старец отвечал:

- Как вам известно, у меня много особ, усердствующих ко мне и благотворящих "мельничным сиротам" моим (сестрам Серафимо-Дивеевского монастыря). Они приносят мне елей, и свечи и просят помолиться о них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала однажды. А как я не смогу повторять их на каждом месте правила: то и ставлю эти свечи за них в жертву Богу - за каждого по свече; за иных - за несколько человек одну большую - и, где следует, не называя имен, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или, так простое мое усердие, ни на чем Божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: **"вне завесы ковчега откровения в скинии собрания**

Аарон [и сыны его] должны ставить оный пред Господом от вечера до утра всегда: это вечное постановление в роды ваши" (Ср. Лев. 24:3). Вот почему святая Церковь Божья приняла в обычай возжигать в святых храмах и в домах верных христиан кандилы или лампы пред святыми иконами Господа, Божьей Матери, святых Ангелов и святых человек, Богу благогодивших.

А о Богословском роднике, получившем наименование колодца "Серафимова", старец впоследствии поведал:

- Я молился, чтобы вода сия в колодце была целительною от болезней.

И тогда вода этого родника получила особые, необыкновенные и целебные свойства, сохраняющиеся доселе. Вода эта не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Ею во всякое время года обливаются и омываются больные и даровые, даже в сильные холода, и получают пользу. Многим тяжело страдавшим от болезненных язв преподобный Серафим приказывал омыться водою из его источника, - и все получали от этого исцеление. Некоторые от омытия сею водою получали прозрение; другие, вкушая ее, получали скорое исцеление от внутренних недугов и с одра тяжкой болезни восставали здоровыми и

бодрыми. Некая женщина, М.В. Сипягина, была тяжело больна, чувствовала ужасную тоску и от болезни, не смотря на свое усердие, не могла в постные дни есть пищи, положенной уставом. Преподобный Серафим приказал ей напиться воды из его источника. После этого у неё без всякого принуждения вышло горлом много желчи, и она исцелела. Во время холеры в 30-х годах прошлого столетия не мало верующих стекалось на колодец "Серафимов" из отдаленных даже стран и, по вере своей, получали от его целебных вод облегчение и исцеления. Так ротмистр Теплов, у которого было имение в Екатеринославской губернии, где холера начала производить большую смертность, при виде повальных заболеваний своих людей, вспомнил, что преподобный Серафим ранее, как бы невзначай, говаривал ему:

- Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится.

Воспоминание это побудило его с женою обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил их от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, старец является жене Теплова, и приказывает ей отправиться на Богословский родник взять оттуда воды, напиться и омыться ею, как им Тепловым, так и их людям. С полною верою в силу ходатайства

угодника Божья Серафима, Тепловы отправились на родник, напились и умылись из него и наполнили водою из него целую бочку, которую отвезли в свое имение. И действительно, больные люди Теплова, из коих многие были уже при смерти, получали дивное исцеление, пользуясь исключительно присланною им водою, и никто с тех пор не умирал от холеры в имении Теплова.

Но преподобный Серафим видел не только земное: неоднократно открывались ему и небесные тайны. Однажды, после продолжительной беседы с иноком Иоанном с младенческою доверчивостью относившись к святому старцу, о житии святых Божьих, их дарованиях и небесных обетованиях, последний несколько раз повторил ему:

- Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя.

Потом преподобный поведал и о себе:

- Усладился я словом Господа моего Иисуса Христа: "**В доме Отца Моего обителей много**" (Иоан. 14:2). И остановился я, убогий, на сих словах и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтобы Он показал мне их и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Вот я и был восхищен в эти небесные обители, - только не знаю, с телом

или кроме тела, Бог вещь, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал - сказать тебе невозможно.

С сими словами преподобный замолчал, склонился несколько вперед, голова его поникла, глаза закрылись, и старец протянутою кистью правой руки мирно и тихо водил против сердца. Лицо его дивным образом изменилось и издавало такой необычайный свет, что невозможно было даже смотреть на него; на устах же и во всем выражении его просветленного лица сияла такая духовная радость, что он казался как бы земным ангелом, как будто что-то умиленно созерцая и слушая.

Так прошло с полчаса, после чего преподобный заговорил:

- Ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением. Если бы самая эта келья была полна червей, и они бы всю жизнь нашу ели нашу плоть, то и тогда надо бы на это со всяким желанием согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости.

Влияние благодатного старца не ограничивалось лишь Саровскою пустынью. Исключительное значение он имел для развития местного женского иночества. Особенно

трогательны были отношения преподобного Серафима к Дивеевской общине, основанной около 1780 года помещицей Владимирской губернии, вдовой полковника Агафьей Семеновной Мельгуновой. В молодых летах, лишившись мужа, она возымела намерение посвятить жизнь свою Богу и с этою целью обошла многие святые места. И вот, отдыхая верстах в двенадцати от Саровской обители, в селе Дивееве, она в полусне увидала Божию Матерь, поручавшую ей остаться на сем месте и воздвигнуть храм в честь Казанской чудотворной иконы ее. Впоследствии к Мельгуновой, принявшей монашество с именем Александры, присоединились еще и другие подвижницы, и таким образом было положено начало Дивеевской обители, с которою неразрывно связано имя преподобного Серафима Саровского. Еще сама первоначальница Дивеевской обители, умирая, поручила будущую участь сестер преподобному Серафиму, бывшему в то время иеродиаконом, и блаженный старец Пахомий, игумен Саровский, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине. Преподобный Серафим заботился о ней с истинно-отеческою любовью и попечительностью. Дивеевские сестры ходили к

нему за благословением и разрешением различных недоумений, передавали о своих нуждах. Старец же попечительно преподавал им добрые и душеполезные советы, с всею заботливостью вникая в жизнь и порядки общины.

По молитвам преподобного, на средства благотворителей, питавших особенную веру к нему и получивших по его молитвам исцеления, Дивеевская община значительно расширилась, чего требовала и самая населенность ею. Вместе с тем святой Серафим разделил обитель, под общим начальством и руководством на две половины, так что в некотором расстоянии за особой оградой воздвиглись новые кельи с отдельным храмом, и явился как бы новый монастырек. "На это, - говорил он, - есть изволение Господа и Божьей Матери". Так сделал угодник Божий потому, что считал неудобным и бесполезным, чтобы чистые девы жили вместе со вдовами, проводшими некоторое время в брачной жизни. По указанию Пресвятой Богородицы, старец выбрал для этого место саженьях в ста от Казанской Дивеевской церкви на пожертвованном для сего участка, причем на вновь приобретенной земли устроил для Дивеевских сестер собственную мельницу. Таким образом, преподобный Серафим образовал

особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутою Агафьей Семеновной Мельгуновой³⁵.

Заботясь о сестрах Дивеевских, в особенности о "своих мельничных сиротах", как обыкновенно называл преподобный Серафим сестер вновь отделенной общины, он неустанно утешал их в скорбях их многотрудной, исполненной тяжких лишений, иноческой жизни, удерживал малодушных, из коих некоторые хотели возвратиться даже к мирской жизни, ибо многие стеснялись крайними лишениями, так как обитель тогда ничем не была обеспечена. Но, благодаря благодатному влиянию преподобного Серафима, Дивеевская обитель стала привлекать к себе более и более сестер искавших под отеческим руководством святого старца, богоугодной иноческой жизни. Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской обители из благодарности за исцеления, полученные по молитвам святого старца. Иных он по своей прозорливости, с малолетства как бы предназначал к сему, и заранее, в дух сего предназначения, руководствовал к поступлению в обитель. А когда сестры общины, боясь за ее будущее, в виду ее материальной необеспеченности и неопределенности

положения, скоробили о том, старец, утешая их, говорил, что сие место избрала для них Сама Царица Небесная, Которая во всем им поможет, так что у них и хлеба свои будут и церкви, и устав церковный будет как в Сарове, и что он "убогий Серафим", всегда за них колени преклоняет. Сестры Дивеевской обители находились в полном послушаний преподобного Серафима. Без благословенья старца ничего не начинали. Когда какая-либо сестра хотела на время отлучиться из обители, то, как пред выходом, так и по возвращении в обитель, являлась к преподобному на благословение.

Для сестер Дивеевской обители Серафим оставил особое молитвенное правило, равно как преподавал им наставления относительно хранения ризницы и церковного имущества и т. Д. Сначала сестры "мельничной общины" не имели отдельного, особого храма, что представляло для них довольно значительные неудобства. Но после того как угодник Божий дивным образом исцелил вышеупомянутого Манторова, тот из благодарности к старцу, согласно его убеждениям продал свое имение и отдал все свое достояние на построение большого каменного храма для "мельничных" сестер. Храм был воздвигнут двух престольный:

во имя Рождества Христова и Рождества Богородицы и освящен в 1829 году.

Что касается до трудов и подвигов рукоделья, то преподобный Серафим постановил для Дивееских сестер заниматься исключительно трудом свойственным простому классу людей Но рисования, шитья шелками и золотом и других подобных работ, требующих некоторого углубления ума и более относящихся к искусству и предметам роскоши, старец не хотел допускать.

Все эти завещания старца строго исполнялись в Дивеевской общине. Уклонения же от них влекли обычно за собою неприятные для обители последствия; но Серафим своими молитвами охранял ее от нужды и бедствий. Так преподобный завещал, чтобы в созданном им Христорожественском храме, где всегда должна быть читаема псалтирь, горели пред иконой Спасителя неугасимая свеча и пред иконой Божьей Матери - неугасимая лампада, и присовокупил, что если это завещание его будет в точности исполняться, Дивеевская община не, будет терпеть нужды, и бедствий, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. Но однажды церковница, когда все вышли из храма, увидела, что масло все выгорало, и лампада потухла, а между тем это было последнее масло.

Тогда, вспомнив о завещание старца Серафима, она подумала, что вот слова его не исполнились, и что, следовательно, и другим предсказаниям его доверять нельзя. Вера в прозорливость благодатного старца начала оставлять ее. Но вдруг она услышала треск и, склонив голову, увидела, что лампада зажглась и полна масла, и в ней плавают две мелких ассигнации. В смятении духа поспешила она к старице Елене Васильевне Манторовой, у которой была в послушании, поведать о дивном видении. На пути ее встретил крестьянин, вручивший ей для передачи 300 рублей ассигнациями на масло для неугасимой лампы за упокой его родителей.

Не ограничиваясь данными Дивеевским инокиням завещаниями и простирая виды гораздо далее, преподобный Серафим еще при жизни своей приготовил место для построения собора, тогда как ранее сестры пользовались для молитвы приходским храмом.

- У нас матушка, говорил он одной Дивеевской старице, утешая ее, - и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут и овечки, и волы. Что нам матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять.

Помышляя о построении собора, преподобный выбрал и место для него недалеко

от Казанской церкви, на половине расстояния между старою и новою обителью, и приобрел денег па покупку земли; но, по обстоятельствам постройка храма была остановлена на неопределенное время.

Таким образом Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутою Агафьей Семеновною Мельгуновой. Но по духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру (Мельгунову), память которой глубоко чтит. Покровительницей же новоустроенной общины старец признавал Божью Матерь.

- Вот матушка, знайте, - говорил он одной старице, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославлений Своего имени: Она вам будет стена и защита.

С такою же попечительностью и любовью преподобный Серафим заботился также еще об Ардатовской обители³⁶ и Зеленогорской женской общине³⁷, во исполнение благодатного завета Богоматери, поручившей ему в дивном видении для руководства и устройства эти три женские обители.

К концу своей жизни преподобный сподобился от Бога необыкновенно дивных даров благодати. Дверей своей келий он более уже никогда не запирает. В обхождении с ближними в нем всегда явно проявлялся дух христианской кротости и смиренномудрия. Беседы его, как с монашествующими, так и с мирянами, поражая своей дивной простотой, производили глубочайшее, неотразимое впечатление даже на неверующих и маловерных, обращая их на путь спасительного покаяния. И простецы, и ученые, и раскольники - получали от бесед с ним великое духовное назидание и утешение. Дар прозорливости и чудотворений возрастал в благодатном старце все более и более. По свидетельству многих генералов офицеров и солдат, участвовавших в Севастопольской кампании, получившие от преподобного в напутствие благословение и освященной воды и с верою повторявшие на поле битвы: "Господи, помилуй молитвами старца Серафима!" - оставались целы и невредимы даже в виду крайней опасности и неизбежной смерти. Весьма часто преподобный Серафим давал душеполезные наставления для будущего, которого обыкновенному смертному никак не предусмотреть, и прозорливо читал в душе вопросы ищущих наставления прежде, чем

их успевали высказать. Однажды к нему пришли две девицы - одна уже пожилая, от юности пламеневшая любовью к Богу и желавшая иночества, другая - молодая, о монашестве совсем и не думавшая. Но святой старец первой из них сказал, что к монашеству ей дороги нет, а в браке она будет счастлива, а второй сказал, что она будет инокинею, назвав даже монастырь, в котором она будет подвизаться. Обе девицы вышли от старца с недоумением и неудовольствием, но последствия оправдали его и предсказания святого старца сбылись в точности. Душа человеческая была открыта пред преподобным как бы лицо в зеркале. Некоторых из ложного стыда боявшихся обличения старца, он исповедовал, сам сказывая их грехи, как будто они при нем были совершены. Часто угодник Божий одним своим видом и простым словом приводил грешников к сознанию, и они решались исправиться от своих пороков. Так однажды к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как бы кем-то был отталкиваем. Наконец сам старец обратился к нему и строго спросил: "а ты куда лезешь?" Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех бывших начал вслух

раскаиваться в своих пороках и особенно в совершенной им перед тем краже, сознаваясь, что он недостойн явиться пред лицо такого светильника.

Неоскудные исцеления истекали от святого подвижника, но он когда-то замечал, со смирением возражал, что это творится не им "убогим", а молитвенным предстательством Богоматери и Апостолов Христовых. Все пившие и умывавшиеся из источника Серафимова, по его благословений, получали дивные исцеления от своих недугов; такую целебную силу вода эта получила по молитве преподобного Серафима. Одному иноку, страдавшему полным расслаблением рук, старец, взяв сосуд со святою водою, сказал: "бери и пей", тот выпил воды и исцелел.

Других исцелял он елеем из лампы, горевшей всегда у него в кельи пред иконой Божьей Матери. Одного крестьянина, умиравшего от холеры, угодник Божий исцелил, приложив к иконе Богоматери, напоив его святой водой и велел обойти кругом обители и, зайдя в собор помолиться в нем, где, согласно предсказаний старца, "милосердье Божье" исцелило умиравшего. Многим преподобный Серафим являлся еще при жизни своей и в сонных видениях и исцелял от пагубных

болезней, особенно в холерное время, когда от освященной из Серафимова источника воды исцелялись, по милости Божьей не только отдельные личности, но и жители целых селений Бесноватых угодник Божий исцелял иногда одним своим присутствием крестом и молитвою. Молитвы Серафима были так сильны пред Богом, что бывали примеры восстановления болящих от смертного одра. Так жена некоего Воротилова была при смерти; муж ее, питая большую веру к преподобному, обратился к нему со слезной просьбой помочь болящей его; но старец объявил, что жена его должна умереть. Тогда Воротилов, обливаясь слезами, припал к ногам его, умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Преподобный погрузился минут на десять в "умную" молитву, потом раскрыл глаза, поднял Воротилова на ноги и радостно сказал ему: "ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь. Гряди с миром в дом свой". Воротилов с радостно поспешил домой, где узнал, что жена его почувствовала облегчение и именно в ту минуту, когда преподобный Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Иным старец предсказывал близкую смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского погребения; другим

предсказывал для исправления, о наказании Божьем, имеющему постигнуть их в случае нераскаянности. В Боге почившему наместнику Троице-Сергиевой Лавры, архимандриту Антонию³⁸, бывшему в то время строителем Высокогорской обители, он предсказал скорое и неожиданное перемещение в "великую Лавру, которую вверяет ему Промысел Божий".

Приближаясь к концу своего многотрудного жития, преподобный не только не смягчал скорбей его, но к прежним подвигам присоединял новые труды и подвиги. Спал старец в последние годы своей жизни, сидя на полу, спиной прислонившись к стене и протянувши ноги; иногда же преклонял голову на камень, или на деревянный обрубок или ложился на мешках кирпичач, и поленьях находившихся в его кельи; приближаясь же к минуте своего отшествия из сего мира, становился на колени мал ниц к полу на локтях поддерживая руками голову. Пищу он вкушал однажды в день, вечером; одежду носил убогую и бедную. А на вопрос одного богатого человека, зачем он носит такое рубище, старец отвечал:

- Иосиф царевич данную ему пустынноком Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы³⁹.

Преподобный Серафим совсем уже умер для мира, не переставая в то же время с беспредельной любовью молитвенно предстательствовать пред Богом за живущих в нем. Небо стало для него совсем родным. Когда Курские посетители спрашивали Серафима, не имеет ли он передать чего своим родственникам, он, указывая на лики Спасителя и Божьей Матери, с улыбкой промолвил:

- Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец.

Вся Россия в это время знала и чтит преподобного Серафима, как великого подвижника и чудотворца⁴⁰. Однажды замечено было, что во время молитвы старец стоял на воздухе, и когда видевший это в ужасе вскрикнул, старец строго запретил ему рассказывать о том до его кончины, под угрозой возвращения болезни, от которой исцелил его⁴¹.

За год и десять месяцев до своей кончины преподобный Серафим сподобился благодатного посещения Богоматери. Это было в праздник Благовещения, 25-го марта. За два дня он известил о том одну благочестивую Дивеевскую старицу, которая сподобилась сего дивного виденья, ради утешения ее и других Дивеевских сестер в их многоскорбном иноческом житии. Угодник Божий предупредил старицу, чтобы она

ничего не боялась, а сам стал на колени, воздав руки к небу, Послышался шум как бы от большого ветра, потом раздалось церковное пение.

- Вот Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам! - произнес преподобный.

Келью озарил яркий свет, распространилось дивное благоухание

Впереди шли два ангела, держа ветви с только что распустившимися цветами. За ними шли в белых блестящих одеждах святой Иоанн Предтеча и евангелист Иоанн Богослов, далее Богоматерь, сопровождаемая двенадцатью святыми девами - мученицами и преподобными. Царица Небесная была облечена в мантию, какая пишется на образе Скорбящей Божьей Матери, и сияла необыкновенным светом и несказанной красотой; сверх мантий была как бы епитрахиль, а на руках поручи; на голове была возвышенная прекрасная корона, разнообразно украшенная крестами и сиявшая таким светом, что невозможно было смотреть на нее, равно как и на Божественный лик Самой Богоматери. Девы шли за Богоматерью попарно, в венцах в несказанной небесной славе и красоте. Келья вдруг сделалась просторной, и вся наполнилась огнями особенного света,

светлее и белее солнечного. Пресвятая Дева милостиво беседовала с преподобным старцем, как бы с родным человеком. Старица же в страхе пала ниц; но Богоматерь успокоила ее и велела встать. А святая дева, утешая старицу в многоскорбной жизни, поведала ей, указывая на свои светлые венцы, что они получили их за земные страдания и поношения. Пресвятая Богородица много беседовала с преподобным Серафимом, но старица не расслышала их беседы; слышала она только, что Пречистая просила его не оставлять ее дев Дивеевских, обещая ему Свою помощь и заступление.

Видение кончилось тем, что, оказывая на венцы святых дев, Богоматерь обещала таковые же и другим девам и подвижницам. Затем, обращаясь к святому старцу, прибавила:

- Скоро, любимиче мой, будешь с нами.

Потом благословила его, после чего простились с ним и все бывшие здесь святые.

Восходя все выше и выше по лестнице добродетелей и подвигов иноческих преподобный Серафим приблизился, наконец, к отшествию своему из сего мира. Еще за год до смерти он почувствовал крайнее изнеможение. В это время он достиг 72 лет. В пустыньку свою он стал ходить уже не часто, тяготился даже в Сарове принимать многочисленных посетителей.

Тяжкие страдания ног, которые мучительно болели от непрерывных бдений, от раннейшего молитвенного стояния на камне в продолжении тысячи дней и ночей и от жестоких истязаний разбойников, не давали ему покоя до конца его жизни, и из язв на ногах непрерывно истекала материя, но видом преподобный оставался светлым и радостным духом, чувствуя ту небесную радость и славу, которую угодовал Бог любящим его.

По прежнему подавая многим верующим благодатные исцеления и содействуя благоустройству и спасения многих чудным даром своей прозорливости, преподобный Серафим начал теперь предрекать и о своей близкой кончине. Преподавая иным последние наставления, он упорно твердил: "мы с тобою более не увидимся"; иным монашествующим лицам, а также мирянам рекомендовал впредь входить во все распоряжения и заботы о своем спасении самим, замечая, что они никогда более не увидятся и прощаются навсегда, и прося их молитв о себе. Часто видали святого старца за это время в сенцах около келии на приготовленном для него по его просьбе гробе, где он предавался размышлениям о загробной жизни, нередко сопровождавшимся горьким плачем. О том же он полунамеками, а иногда и

прямо говорил некоторым из Дивеевских сестер, повторяя:

- Ослабеваю я силами, живите теперь одни, оставляю вас Господу и Пречистой его Матери.

Некоторые просили у угодника Божьего благословенья навестить его еще предстоящим великим постом в Сарове, но он отвечал:

- Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите.

И по телесному виду стало очень заметно, что жизнь преподобного Серафима быстро угасает, но духом он еще более прежнего бодрствовал. Намекал он о своей близкой кончине и ближайшим друзьям и сподвижникам своим, например, блаженному иеромонаху Тимону, верному ученику своему, подвизавшемуся в Надиевской пустыне, причем преподавал ему последние душе полезные наставления.

- Сей, - повторял он ему, - сей, отец Тимон, данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей и на камне, сей при пути, сей и в тернии, все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от Господина своего: но отдавай его торжникам, - пусть куплю дают.

За четыре месяца до блаженного преставления преподобного Серафима, в

Августе 1832 года, его навел в его пустыни преосвященный Арсений, епископ Тамбовский (впоследствии митрополит Киевский). Осмотрев Саров, владыка подробно осмотрел и пустыню Серафимову, его убогую келью, причем побывал и в том небольшом между стеною келью и печкою, помещении, где угодник Божий часто подвизался в молитвенных трудах и куда едва мог войти один человек, оставаясь там в стоячем или коленопреклоненном положений, ибо присесть или облокотиться нельзя было там никак. При этом святой старец поднес преосвященному в подарок "от убогого, грешного Серафима" четки, пук восковых свечей, обернутых холстиной, сосуд с красным вином и бутылку с деревянным маслом. Преосвященный, радушно приняв приношение, не понял его значения; но последствия показали ему, что подвижник Божий прикосновенно предвозвещал ему о своей близкой кончины и предназначал вино, масло и свечи для своего поминовения, о каковом он просил преосвященного и словесно, впоследствии преосвященный Арсений в точности исполнил желание святого старца, холстину и четки, оставив у себя, а прочее, употребив на поминовение на заупокойной литургии о преподобном Серафиме.

Своему келейнику преподобный неоднократно говорил, намекая на свою близкую кончину:

- Скоро будет кончина!

Одному из Саровских старцев преподав наставления, он приказал дунуть на свечку, и, когда та погасла, сказал:

- Вот так и я погасну.

Незадолго до кончины, преподобный поручил послать некоторым близким ему лицам письма, призывая их к себе в обитель, а другим, кои не могли поспеть к нему, просил после смерти своей передать от него душеполезные советы, прибавляя в объяснение сего поручения:

- Сами-то они меня не увидят!

Пред наступлением 1833 года преподобный отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора. За неделю до своего преставления, в праздник Рождества Христова, он был на божественной литургии, причащался святых Христовых Таин и литургии, беседовал со строителем обители, игуменом Нифонтом, причем просил его заботиться о братьях особенно из младших, и завещал похоронить его по смерти в приготовленном им для себя гробе. В воскресенье 1-го января 1838-го года святой старец в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь, приложился ко

всем иконам, сам поставил свечи, и потом причастился по обычаю святых Христовых Тайн. По окончании литургии, он простился со всеми молившимися братьями, всех благословил, целовал и, утешая, говорил:

- Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь вам венцы готовятся.

Потом святой старец приложился ко святому Кресту и иконе Божьей Матери и затем, обошедши кругом престола и сделав ему обычное поклонение, вышел из алтаря северными дверями, как бы знаменуя этим, что одними вратами - путем рождения - человек входит в жизнь, а другими - вратами смерти - исходит из нее.

В тот же день соседний со старцем по кельи брат Павел, часто исполнявший обязанности его келейника и приносивший к нем пищу, заметил, что преподобный раза три выходил на приуготовленное им для себя место погребения, где довольно долго оставался и смотрел на землю. Вечером тот же инок слышал, как старец пел в своей кельи пасхальные песни, прославляя Воскресение Христово.

На другой день, 2-го января, отец Павел в шестом часу утра вышел из своей кельи, к ранней обедне и почувствовал в сенях запах дыма и гари. В келий Серафима всегда горели

негасимые никогда старцем свечи, который на все предостережения относительно этого обыкновенно отвечал:

- Пока я жив пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром.

Так и было.

Сотворив обычную молитву, инок Павел постучался в двери старца, но они оказались запертыми. Тогда он сообщил об этом другим предполагая, что старец ушел в свою пустынь и в кельи горит.

Когда дверь была сорвана с внутреннего крючка, то увидели, что огня нет, но в беспорядке лежавшие книги, а также различные холщовые вещи, которые многие, по усердию, приносили преподобному, тлели, самого же старца не было ни слышно, ни видно. Тлевшие вещи погасили, а обо всем происшедшем сообщили и другим инокам, присутствовавшим за ранней литургией. Многие из братьев поспешили к келий старца. Зажегши свечу, они увидели Серафима в обычном его белом балахончике на всегдашнем месте его молитвенных подвигов на коленях пред малым аналоем с медным распятием на шее. Руки его, крестообразно сложенные на груди, лежали на аналои на книге, по которой он совершал свое молитвенное правило пред иконой Богоматери.

Думая, что старец уснул, иноки стали будить его; но душа его уже оставила земную свою храмину и возвратилась к Создателю своему. Глаза Серафима были закрыты, но лицо оживлено и одушевлено богомыслием и молитвою; тело же его было еще тепло.

С благословения настоятеля, игумена Нифонта, братия омыли почившему подвижнику тело, одели его по иноческому чину, положили в предуготовленный им при жизни дубовый гроб согласно завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, присланным ему его возлюбленным учеником наместником Троице-Сергиевой Лавры, архимандритом Антонием.

Весть о кончине святого старца быстро распространилась повсюду, и вся окрестность Саровская быстро стеклась в обитель. Особенно тяжка была скорбь Дивеевских сестер, потерявших в нем своего любимого духовного отца и попечителя, и скорбь их была тем безутешнее, что не было человека, который бы в состоянии был заменить его в качестве духовного руководителя.

В ночь блаженной кончины преподобного Серафима, подвизавшийся в Глинской пустыни Курской губерний иеромонах Филарет, выходя

из храма от утрени, указал братии на необыкновенный свет на небе и произнес:

- Вот так-то души праведных отходят на небо! Ныне душа отца Серафима возносится на небо.

В продолжение восьми дней тело преподобного Серафима открытым в Успенском соборе. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим. Саровская обитель еще до дня погребения была наполнена тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Все единодушно оплакивали кончину благодатного старца. В день погребения его за литургией было так много народа, что местные свечи около гроба от духоты гасли. Погребение тела преподобного Серафима было совершено игуменом Саровским Нифонтом, с многочисленною братьею; тело было предано земле по правую сторону соборного алтари. Над могилою воздвигнут был впоследствии чугунный памятник в виде гробницы, с надписью: "жил во славу Божью 72 года, 6 месяцев и 12 дней".

И по блаженному преставлению своем, преподобный Серафим всем обращающимся с верою к нему подавал различные исцеления и чудотворения. И тогда, когда кончилось для него земное странствование, он продолжал являть

людям ту же любовь и помощь, вкладывая во все отношения к ним неизъяснимая сокровища сочувствия, именуя их с неизъяснимой добротой: "радость моя", как звал всех при жизни. Особенно часто являлся он Саровским инокам и Дивеевским сестрам для их исцеления и утешения.

Так, спустя не более полгода после блаженной жизни старца Серафима, одна сестра Дивеевской обители подверглась припадкам беснования. Но вот в одну ночь она видит, будто находится в Дивеевской церкви, где был и преподобный Серафим. Старец, взяв больную еще с другою находившеюся здесь сестрою за руки, как будто бы ввел больную в алтарь, обошел с нею кругом престола, и она вдруг почувствовала себя легко и хорошо.

Проснувшись, она сотворила крестное знамение и вполне пришла в себя; проснувшись она совершенно здоровою и с тех пор не подвергалась прежним припадкам и пользовалась полным здоровьем.

Другая сестра Дивеевской обители сильно заболела глазами. Накануне нового 1835 года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божьей Матери, и что из царских врат выходит в белой ризе преподобный

Серафим, подает воздух и велит отереть им глаза.

Она спросила его:

- Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

- Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю.

После сего старец сделался невидим. С того времени болезнь глаз прошла у инокини.

Известный и всеми уважаемый под именем "Святогорца" русский подвижник Афонской горы, иеромонах Серафим в схиме Сергей, в своих келейных записках передает следующее:

"В 1849 году я заболел. Болезнь моя была убийственная, я не думал, что останусь живым. Никакие средства не могли восставить меня. Я отчаялся. Только в поздний вечер 1850 года вдруг кто-то тихо говорит мне; "завтра день кончины отца Серафима, Саровского старца; отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду, и он тебя исцелит". Это меня сильно утешило. Я хотя лично не знал отца Серафима, но в 1838 году, бывши в Сарове, возымел к нему веру и любовь. Эти чувства еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что служу молебен отцу Серафиму от всей души и громко воспеваю; "преподобие отче

Серафиме, моли Бога о нас!" Только, когда нужно было читать Евангелие, я не знал какое читать, преподобного или другое. Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренне верю, что отец Серафим - великий угодник Божий. Но обращусь к начатому (т.е. к рассказу о своей болезни в 1849 году). По тайному внушений, убеждавшему меня к поминовению отца Серафима, я попросил, сам будучи не в силах отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал - болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры поныне благодатью Божьей здоров".

В 1858 году Дивеевская инокиня Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами, набивала льдом огромный общий ледник и, нечаянно поскользнувшись, упала на дно с высоты трех сажен. Ее подняли замертво, причем она жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, и малейшее прикосновение повергало ее в продолжительный обморок. Приехавший лекарь нашел положение ее очень опасным. Спустя две недели, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на великий четверг забылась она тонким сном в

котором, увидала, что преподобный Серафим вошел к ней в келью и сказал: "я пришел навестить своих нищих (так и при жизни называл он вверенных его попечение Дивеевских сестер); давно здесь не был". Больная с горькими слезами воскликнула: "батюшка, как у меня бок то болит!" Старец же, сложив три перста правой руки, три раза перекрестил расшибленное место, говоря: "прикладываю тебе пластырь и обвязания", - после чего стал невидим. Евдокия проснулась, но в кельи было совершенно пусто и тихо, и она снова заснула. В пять часов утра она проснулась лежащею на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней старца Серафима, она говорила, что "долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте". В тот же день она одна без всякой помощи встала с кровати и поведала всем о чудесною своем исцелении.

Многим преподобный подавал исцеления, советуя пить воду из своего источника и омываться ею. Так два года спустя после кончины старца, одна сестра Дивеевской обители была больна горячкой и находилась при смерти, причем совершенно потеряла способность владеть рукою. И вот видит она во сне преподобного, который спрашивал, почему

она не придет к нему на источник и, взяв за больную руку, подняв приказывая непременно исполнить это. Проснувшись, инокиня почувствовала, что рука ее исцелена; когда же сестры отвезли ее в Саров на источник Серафимов и облили водою из него, то она получила полное выздоровление.

Ротмистр Теплов, питавший особое уважение к преподобному Серафиму, в 1834 году приехал в Саров с трехлетней дочерью, болевшей ногами. Отслужив панихиду на могиле старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помиует больную. Напоив ребенка водою из сего источника и омыв ему ноги, взяли воды в монастырь, с намерением отслужить над нею молебен с водоосвящением. Но, при входе в монастырь, девочка вырвалась из рук няньки и побежала вперед, как здоровая, и получила совершенное исцеление.

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии А.А.Борзко, восьми лет, начал страдать спазмами в желудке, превратившимися в сильную болезнь с страшными, изнурительными припадками, так что родители стали отчаиваться за его жизнь. В это время рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С.Д.Давыдова подарила

матери больного ребенка описание жизни и подвигов Серафима Саровского, которое и стали читать оба родители ребенка, дивясь действиями благодати Божьей, явившимся в преподобном. В одну ночь ребенок увидел во сне Спасителя, окруженного ангелами, Который обещал больному выздоровление, если он исполнит то, что прикажет ему старец, который придет к нему. Потом явился ему старец и, называя себя Серафимом, сказал:

- Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым и три дня утром и вечером омой голову, грудь, руки и ноги, и пей.

Утром ребенок рассказал свой сон родителям, которые недоумевали, как достать воды, и скорбели о том. На другое утро ребенок рассказал другой сон: к нему являлась окруженная ангелами Божья Мать, и с любовью приказывала исполнить слова старца. В этот самый день вернулась путешествовавшая в Саров госпожа Давыдова, и родители просили помочь им достать воды из источника Серафимова. Та тотчас же прислала им бутылку этой воды. И когда поступили по наставлению старца, дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело.

Иных преподобный Серафим спасал от разбойников и воров, чудесно являясь им с угрозами. Так однажды, Муромскими лесами шла богомолка. Услыхав в глухом месте страшные крики и стоны, она вынула находившееся при ней изображение Серафима и перекрестила им себя и то место, откуда раздавались крики. Вскоре неподалеку были найдены два изувеченных человека, которые рассказали, что разбойники хотели их убить, но вдруг разбежались. Пойманные впоследствии, разбойники, каясь о разбое в Муромском лесу, рассказали, что когда они готовились нанести своим жертвам последний удар, вдруг из лесу выбежал седой, согбенный, в измятой камилавке монах с грозящим пальцем в белом балахоне, с криком: "вот я вас" А за ним бежала с кольями толпа народа. Им показали изображение Серафима, отобранное от странницы, и они признали его.

Шацкой купчихе Петаковской, знавшей старца при жизни и глубоко чтившей его, однажды явился во сне преподобный Серафим и сказал:

- В ночь воры взломали лавку твоего сына, но я взял метелку, и стал мести около лавки, и они ушли.

Действительно, поутру все запоры были найдены вырванными, но лавка - целой и нетронутой.

В 1865 году, в доме некоей госпожи Бар, перед Рождеством, когда там раздавали, по обычаю, пособия нуждающимся, преподобный явился в виде согбенного, седого старца. Раздатчице подаяний он объяснил, что пришел не за подаянием, а ему нужно самому видеть хозяйку. Когда одна прислуга шепнула другой, что это, вероятно, бродяга, старец обещая вскоре зайти, когда будет хозяйка, ушел. На раздатчицу напало раскаянье, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез, а от хозяйки все скрыли.

Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне:
- Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий.

На следующее же утро госпоже Бар была прислана по почте посылка с изображением преподобного Серафима кормящим медведя, в каковом изображений беседовавшие накануне со святым старцем узнали его.

Много и иных чудесных знамений и исцелений являл преподобный Серафим по блаженном своем преставлении. В продолжение семидесяти лет со дня кончины преподобного Серафима совершались непрерывно исцеления

по вере прибегающих к нему с молитвою и с верою в предстательство его пред Господом. В 1891-м году над гробницей преподобного Серафима выстроена была часовня. Память о высоком подвижническом житий святого старца и вера в силу его молитвенного предстательства, с течением времени, не только не ослабевала, но все более и более возрастала и утверждалась среди православного народа во всех его сословиях. Вполне разделяя народную веру в святость старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к надлежащим распоряжениям о прославлении угодника Божья. В 1895-м году преосвященным Тамбовским было представлено в Святейший Синод произведенное особою комиссией расследования о чудесных знамениях и исцелениях явленных по молитвам старца Серафима, коих обследовано было до 94 случаев. После того преосвященным Тамбовским дважды, в начале и в конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявления разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях совершавшихся по молитвам святого Серафима. Наконец в 1902-м году 19-го июля, в день рожденья старца Серафима, его Императорскому Величеству, Государю

Императору Николаю Александровичу благо угодно было вспомнить и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца. В начале следующего 1903 г. Святейший Синод в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, совершающихся по молитвам старца Серафима, определил признать его в лике святых благодатью Божьей прославленных, а всечестные останки его - святыми мощами. Иждивением Их Императорских Величеств для них была изготовлена богатая сребропозлащенная рака. Торжественное прославление новоявленного угодника Божьего было совершено, в присутствии Их Императорских Величеств Государя Императора и Государынь Императриц и других членов Августейшей фамилии и многотысячных масс народа, 19-го июля 1903 года и сопровождалось многочисленными исцелениями, истекавшими по молитвенному предстательству преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Молитвами его да сохранит Господь Бог и нас всех от всякой скорби и болезни! Богу же, дивному во святых Своих да будет всякая честь,

слава и поклонение - всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 4:

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и тому единому работати пламенне вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Кондак, глас 2:

Мира красоту и яже в нем тленная оставив, преподобне, в Саровскую обитель вселился еси: и тамо ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тебе, отче Серафиме, прослави, и даром исцелений и чудес обогати. Темже вопием ти: радуйся, Серафиме, преподобне отче наш.

¹ Знаменская икона Богоматери находится в Курском Знаменском монастыре; иначе называется "Коренною", потому что была чудесно обретена при корне дерева, где после была основана, в 1597 г., Рождество-Богородицкая (ныне общежительная) пустынь, в

27 верстах от Курска. Торжественные празднества в честь чудотворной Коренной иконы Знамения Божьей Матери совершаются 27го ноября и 13-го сентября, в день возвращения в Знаменский монастырь из Коренной пустыни, куда она ежегодно препровождается к 9-й пятнице по Пасхе, оставаясь там до 12-го сентября.

² Саровская мужская пустынь, Тамбовской губ., Темниковского уезда, находится в 37 верстах от г. Темникова; основана в 1770 году иеросхимонахом Иоанном при впадении р. Саровки в р. Сатис на месте татарского города Сараклыч. Место это было освящено еще ранее подвигами добродетельных подвижников: первоначально инока Феодосия и потом Герасима, которые оба были свидетелями разных благодатных знамений, явно предсказывавших будущее значение этой местности (напр., в виде исходящего свыше огненного луча, громкого благовеста многих колоколов и т. д.). Спустя шесть лет по оснований обители, под день, назначенный для воздвижения креста на главе первого воздвигавшегося в Сарове храма, на горе, где расположена обитель, раздался ночью громкий колокольный звон между тем, как ни одного колокола не было; тоже повторилось перед

полуднем причем работавших осветил необыкновенный свет. Из преемников иеросхимонаха Иоанна особенно замечателен своею подвижническою жизнью и благоустройством, монастыря строитель Ефрем. Саровская пустынь издавна славилась строгим соблюдением иноческих уставов и подвижническою жизнью своих пустынников. В настоящее время Саровская пустынь принадлежит к числу благоустроеннейших и обеспеченнейших русских обителей. В ней находится до 7 храмов; ризница её замечательна по выдающейся ценности, красоте и изяществу хранимых в ней богослужебных принадлежностей. Обитель обладает большими угодьями.

³ Таковы, например, были знаменитый игумен и возобновитель Валаамского монастыря Назарий, начавший свое иноческое житие в Сарове и проведшей там же последние годы своей жизни, иеромонах Досифей и, особенно, прославившийся своими подвигами, схимонах Марк долгое время бывший молчальником.

⁴ По примеру св. Псалмопевца, который, среди скорбей и болезней, взывал: слезами моими омочаю постель мою. (Пс. 6:7).

⁵ Выражение: *нашего рода*, очевидно, указывает на то, что преп. Серафим был особенно

усердным молитвенником пред Божьей Матерью и потому сам находился под особенным её покровом и заступлением, что ясно и подтверждается многочисленными примерами из самого жития преподобного.

⁶ О сем впоследствии старец весьма часто и весьма многим сам говаривал. Престол, сооруженный преп. Серафимом, был освящен 17-го августа 1786 го года в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и донныне стоит на своем месте. Верхний престол был посвящен во имя Преображения Господня. - Во время трудного подвига сборщика на это построение, Серафим был и на своей родине в Курске, но уже не застал благочестивую мать свою в живых; брат его, оставшийся после матери полным хозяином родительского достояния, оказал Прохору, с своей стороны, щедрое пособие для строенья монастырской церкви.

⁷ Еврейское слово "Серафим" значит: пламень, горение; дальнейшее значение, по некоторым толкованиям - возвышенный, благородный. Это собственно ангельское имя, коим именовались и именуются светлые духи, принадлежащие к одному из ближайших Богу чинов небесной иерархии, занимающие пред престолом Всевышнего первое место в первом лике. - Имя сие было дано Прохору при пострижений его в

иноческий образ без его ведома и изволения, и на это можно смотреть, как на выражение понятий о нем монастырского начальства, видевшего ревность Прохора к богоугодной жизни и прозорливо предусматривавшего в нем ещё больший пламень по Боге.

⁸ Это было в декабре 1787-го года.

⁹ Примечательно при сем то обстоятельство, что благодатное видение преподобного Серафима последовало в такое время литургий, когда вход священнослужителей в алтарь изображает шествие их как бы в самое небо, и священник в тайной молитве просить Господа: владыка, Господи Боже наш, устанавливающий на небесах чины и вышинства ангелов и архангелов, для восславления Тебя, сотвори со входом нашим вход святых ангелов для служения нам и прославления Тебя, когда поется и Ангельская Трисвятая песнь: СВЯТОЙ Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас. Таким образом видение это воочию показало, что не все мы веруем, что во время божественной литургии Силы Небесные с нами невидимо служат и что с нами в это время соприсутствует Сам Царь Славы - Христос

¹⁰ Тамбовским епископом Феофилом 2-го сентября 1793-го года, по представлению монастырского начальства, ясно видевшего, что

о. Серафим по своим подвигам неизмеримо выше других братии и потому заслуживает преимущества при возведении в высшие степени церковного служения.

¹¹ Это было 20-го ноября (день прихода преподобного в Саровскую пустынь) 1794 го года. Доселе хранится в Саровской обители один экземпляр билета, выданного преп. Серафиму для беспрепятственного проживания в пустынной кельи, за подписей строителя, старца Исаяи. Вот текст этого билета: "Объявитель сего, Саровский пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыне, в своей (т. е. монастырской) даче, по неспособности его в обществе, за болезнью (от непрестанного келейного бдения, постоянного пребывания на служениях в церкви и стояния в течение многих лет на ногах с небольшим лишь отдыхом во время ночи, Серафим пред своим отшествием в пустынножителство впал в недуг; ноги его опухли, и на них открылись язвы, так что он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь сея была немалым побуждением к избраний им себе пустынножизни) и по усердию (разумеются его особливые, исключительные иноческие подвиги, требовавшие безмолвия и уединения), и после многолетнего искушения

(искуса, иноческого испытания) в той обители и в пустыне, уволен единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правилом согласно святых отец положением и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в одном месте и оное утверждаю - строитель иеромонах Исая, 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем.

¹² Рождественское славословие Ангелов пастырям Вифлеемским. (Лк. 2:14).

¹³ В саду Гефсиманском пред крестными страданиями.

¹⁴ Богородичен воскресный на вечерне (Догматик)-1-го гласа.

¹⁵ Воскресный антифон 2-й, 1-го гласа, на утрени

¹⁶ Ирмос 3-й песни канона воскресного, 3-го гласа.

¹⁷ Ирмос 3-й песни канона воскресного, 8-го гласа.

¹⁸ Таковыми были в особенности аскетические святоотеческие творения, как-то: преподобных Иоанна Лествичника и аввы Варсонофия, Ефрема и Исаака Сириных, Маргариты (составленный главным образом из творений св. Иоанна Златоустого) и другие

¹⁹ Распространенное в России травянистое растение, обильно размножающееся

подземными корнями, большею частью - сорное и плохопитательное, но употребляется в народной медицине от некоторых болезней, а молодые листья иногда употребляется в качестве овощей в щах.

²⁰ Первый из них бывал у него раза два в месяц, а последний - однажды. Преподобный Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах.

²¹ Благословляя преподобного Серафима, Исаяя заметил с недоумением: "Да как же я могу за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?" Но Серафим на это с верою и убеждением заметил: "Вы только благословите, и уже никто из них не взойдет на мою гору".

²² Празднуется сей иконе, наименованной согласно евангельскому выражению (Лк. 11:27): "Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие", в неделю Всех Святых и 26-го декабря, когда именно старец Серафим испрашивал у строителя обители Исаяи благословенья, чтобы женщинам не было входу на его пустынную гору.

²³ Так, преп. Серафима предназначили было настоятелем в г. Алатыр (уездный город Симбирской губернии), с возведением в сан архимандрита; ибо с одной стороны Саровская пустынь неоднократно давала из своей братии

хороших настоятелей в другие обители, с другой - духовное начальство знало старца Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввой - настоятелем какой либо обители. В другой раз Серафима предназначали строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но в обоих случаях по усердной просьбе старца и по взаимной любви, и согласию братии, его заменили другими иноками Саровскими.

²⁴ Брань - монашеское аскетическое выражение, означающее упорное и продолжительное искушение, которому дьявол подвергает сопротивляющихся ему иноков. По причине сей борьбы с дьяволом, иноки на языке аскетов часто зовутся духовными воинами.

²⁵ В бумагах обители сохранился сей отзыв Игумена Нифонта в черновике.

²⁶ Камни, на которых подвизался преп. Серафим доселе сохраняются и некоторое время после кончины его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили смотреть на них так, что в пустынь Серафимову, вместо прежней тропинки, впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частицы камня с изображением на них старца Серафима, стоящего на камнях в молитвенном

положении, так что от того большого камня, на котором преподобный молился в глубине леса, остался один обломок сохраняющейся в Дивеевской обители; там же хранится и тот камень, на котором старец молился в своей кельи.

²⁷ Кукуль - монашеский головной убор в виде клобука о спускающемся на плечи крепом; в древней Церкви обычная принадлежность монашеского облачения.

²⁸ "Умной" молитвой на языке аскетов называется созерцательная богомысленная молитва, когда подвижник всей душой погружается в нее в безмолвии.

²⁹ Преподобный Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться примером, преподобного Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания, Архиепископ Александрийский, Феофил желая придти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: "если для тебя отворю, то и для всех отворю". Тогда Феофил сказал: "лучше мне не ходить к нему".

³⁰ Старчество представляет собою один из самых высших подвигов иночества, на который способны только немногие избранные люди. Это - духовное руководство и врачевание

"старцами" иноков и всех приходящих, имеющих нужду в духовном утешении и совете. Добровольные ученики, приходя к старцу, раскрывают пред ним всю свою душу и отдаются в полное его послушание, а старец берет на себя труднейший подвиг любви христианской и великую ответственность пред Богом за их души.

³¹ Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между "освященными", т.е. имеющими степень священства аввами.

³² Мотыка - кирка, заступ железная лопатка.

³³ На вечерне вторника Страстной седмицы, из стихир на "Господи **воззвах**". 4-го гласа.

³⁴ Впоследствии известный наместник Троице - Сергиевой Лавры.

³⁵ 27 июля 1842 года был получен указ Св. Синода об утверждении общежительной Дивеевской обители в составе обоих отделений В 1861 году Дивеевская община возведена в третьеклассный женский монастырь, и в настоящее время представляет собою одну из самых многочисленных и благоустроеннейших женских обителей на Руси, вмещающую в себе до 1000 и даже свыше сестер.

³⁶ В 1861 г. Покровская Ардатовская община, основанная около 1800 года мещанкой

Василиссой Дмитриевой Пахомовой, возведена на степень третьеклассного монастыря.

³⁷ Ныне Спасо-Зеленогорский третьеклассный общежительный женский монастырь.

³⁸ Антоний, в мире А. Г. Медведев, известный сотрудник и сподвижник Филарета, митрополита Московского, наместник Троице-Сергиевой Лавры с 1831 - 1877 г., был избран на этот пост по личному желанию святителя и за продолжительное время своего наместничества привел Лавру в цветущее во всех отношениях состояние.

³⁹ См. Минеи-Четьи, под 19 ноября.

⁴⁰ Благоговейнее евреи и архиереи Православной Церкви, отличавшееся подвигами и духовною жизнью, питали к преподобному Серафиму глубокое уважение и веру, писали к нему письма, спрашивая его советов. Особенно уважение питал к нему Антоний, архиепископ Воронежский, известный своею святою жизнью к иноческим подвигами Вскоре после блаженной кончины угодника Божья, он говорил про него - Мы - как копеечные свечи, а он как пудовая свеча, всегда горите пред Господом, как прошедшею своею жизнью, так и настоящим дерзновением пред Пресвятою Троицею.

⁴¹ Случай этот был засвидетельствован княгинею Е.С.Ш. со слов исцеленного преподобным ее

расслабленного сына. При сем старец, заметив, что болящий видел это, строго поведал ему "оградиться молчанием" и не говорить о том до его смерти, что тот и исполнил.

